БИБЛІОТЕКА ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

VI.

И. Кантъ

ВѢЧНЫЙ МИРЪ

ФИЛОСОФСКІЙ ОЧЕРКЪ

ИД

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ,
издаваемая подъ редакціей:
А. С. Бѣлкина, А. А. Кизеветтера, проф. *М. И. Коновалова, П. Н. Милюкова,* проф. *П. И. Новгородцева, В. Д. Соколова* и проф. *А. И. Чупрова.*

VI.

И. Кантъ.

ВѢЧНЫЙ МИРЪ.

ФИЛОСОФСКІЙ ОЧЕРКЪ.

БИБЛIОТЕКА ДЛЯ САМООБРАЗОВАНIЯ,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦIЕЙ:

А. С. Бѣлкина, А. А. Кизеветтера, проф. *М. И. Коновалова, П. Н. Милюкова,* проф. *П. И. Новгородцева, В. Д. Соколова* и проф. *А. И. Чупрова.*

Изданія Т-ва И. Д. Сытина.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

I. Проф. **В. Минто**. Дедуктивная и индуктивная логика. Перев. *С. А. Котляревскаго,* подъ редакціей *В. Н. Ивановскаго.* XXIV + 542. Ц. 1 р. 75 к. 5-е изданіе (13, 14 и 15 тысячи экз.).

Перепечатано со 2-го изданія, **рекомендованнаго** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ и ученическихъ (старшаго возраста) библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ — къ употребленію въ Духовныхъ Семинаріяхъ въ качествѣ полезнаго пособія при преподаваніи логики.*

II. Исторія Греціи со времени Пелопоннесской войны. Сборникъ статей. Перев. подъ редакціей *Н. Н. Шамонина* и *Д. М. Петрушевскаго.* Вып. I. XXVII + 451 + IV. Вып. II. XX + 502 + VI. Ц. за оба вып. 3 р. 50 к.

Оба выпуска этой книги Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія **одобрены** *для ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній (мужскихъ и женскихъ) старшаго возраста. Учебнымъ Комитетомъ по учрежденіямъ Императрицы Маріи* **одобрены** *для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.*

III. Римская имперія. Сборникъ статей въ переводѣ *А. С. Милюковой.* XX + 667. Ц. 2 р. 50 к.

IV. **И. Ремсенъ**. Введеніе къ изученію органической химіи. Перев. *Н. С. Дрентельна,* съ измѣненіями и дополненіями проф. *М. И. Коновалова.* XXVII + 517. Ц. 1 р. 75 коп. 2-е изданіе.

V. **Г. Шенбергъ**. Положеніе труда въ промышленности. Перев. *М. Соболева,* подъ редакціей проф. *А. И. Чупрова.* XII + 391 + VI. Ц. 1 р. 60 к.

VI. **Кунъ**. Новая химія. Перев. *А. В. Алехина,* подъ редакціей проф. *М. И. Коновалова.* XXXII + 465 + VIII. Ц. 1 р. 75 к.

VII. **Б. Н. Чичеринъ**. Политическіе мыслители древняго и новаго міра. Вып. I. XIV + 469. Вып. II. 433. Ц. за оба вып. 3 руб. 50 коп.

VIII. **И. Ремсенъ**. Введеніе въ изученіе химіи. (Неорганическая химія). Переводъ, исправленный по послѣднему нѣмецкому изданію, съ измѣненіями и дополненіями, подъ редакціей проф. *М. И. Коновалова.* XXIV + 536. Ц. 1 р. 75 к.

IX. **М. Ферворнъ**. Общая физіологія. Перев. проф. *М. А. Мензбира* и пр.-доц. *Н. А. Иванцова.* Вып. I. XX + 518. Вып. II. VI + 574. Ц. за оба вып. 4 р.

X. **Ф. Регельсбергеръ**. Общее ученіе о правѣ. Перев. *И. А. Базанова,* подъ редакціей проф. *Ю. С. Гамбарова.* XIV + 295. Ц. 1 р. 40 к.

XI. **Макъ-Кендрикъ и Снодграсъ**. Физіологія органовъ чувствъ. Перев. *Н. В. Гороновича.* XX + 413. Ц. 1 р. 75 к.

XIII. Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ до Смутнаго времени. Сборникъ статей, изд. подъ редакціей *В. Н. Сторожева.* Вып. I. XXVI + 658. Ц. 2 р. 75 к.

XIV. **Г. Лоренцъ**. Элементы высшей математики. Основаніе аналитической геометріи, дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій и ихъ приложеній къ естествознанію. Переводъ съ дополненіями, измѣненіями и историческимъ очеркомъ развитія математическаго анализа *В. П. Шереметевскаго.* Томъ I. XXXVI + 751. Ц. 3 р. 2-е изданіе.—Томъ II. XXIV + 595. Ц. 2 р. 50 к., для покупающихъ оба тома вмѣстѣ — 5 р.

XV. **А. Р. Уоллэсъ**. Дарвинизмъ. Съ портретомъ автора. Перев. проф. *М. А. Мензбира,* съ приложеніемъ его статьи: *А. Уоллэсъ и его научное значеніе.* XL + 753. Ц. 3 руб.

XVI. [illegible] **Поррить**. Современная Англія. Права и обязанности ея гражданъ. Перев. *О. В. Полторацкой.* XVI + 368 + XXII. Ц. 1 р. 60 к.

XVII. **Т. [illegible]оли и Г. Мартинъ**. Практическія занятія по зоологіи и ботаникѣ. Съ 3[illegible] рис. въ текстѣ. Перев. *И. А. Петровскаго, Н. П. Сушкина* и *Н. К. Кольцова.* XXIV + 762. Ц. 3 р. 50 к.

XVIII. Исторія Римской республики по Моммсену. Перев. *Н. Н. Шамонина.* Вып. I. XXIV + 529. Ц. 2 р.

Книга эта Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія **рекомендована** *для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія (старшаго возраста) библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства.*

XIX. **Б. Н. Чичеринъ.** О народномъ представительствѣ. XXVI + 812. Ц. 3 руб.

XX. **Георгъ Майръ.** Закономѣрность въ общественной жизни. Перев. *Н. Н. Романова,* просмотрѣнный и дополненный *В. Э. Деномъ,* подъ редакціей проф. *А. Н. Чупрова.* Съ приложеніемъ діаграммъ и картограммы. XVIII + 480. Ц. въ переплетѣ 2 р. 25 к., въ обложкѣ 1 р. 50 к.

XXI. **Н. Локіеръ.** Спектроскопъ и его примѣненія. Перев. *С. Г. Займовскаго,* подъ ред. и съ дополненіемъ очерка „О новѣйшемъ развитіи спектральныхъ изслѣдованій" проф. *В. А. Михельсона.* Съ 85 рис. въ текстѣ и 3 цвѣтными спектральными таблицами. XX + 234. Ц. 1 р. 75 к.

XXII. **М. А. Ганчъ.** Краткое руководство по стереохиміи. Перев. *З. В. Кикиной,* подъ ред. проф. *М. И. Коновалова.* XXIV + 246. Ц. 1 руб.

XXIII. **Т. Грантъ.** Греція въ вѣкъ Перикла. Перев. подъ ред. *Н. Н. Шамонина.* Съ рисунками. XXIV+358. Ц. 1 р. 60 к.

XXIV. **М. Фостеръ** и **Л. Шоръ.** Физіологія для начинающихъ. Перев. *Д. Д. Бекарюкова.* Съ 111 рис. въ текстѣ. XXIII + 330. Ц. 1 р. 50 к.

Книга эта Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія **допущена** *въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.*

XXV. **В. Я. Желѣзновъ.** Очерки политической экономіи. 3-е изданіе, перепечатанное со 2-го изданія безъ перемѣнъ. XXIII + 831. Ц. 3 р.

XXVI. **Дайси.** Основы государственнаго права Англіи. Пер. *О. В. Полторацкой,* подъ редакціей проф. *П. Г. Виноградова.* XXXVI + 658. Ц. 2 р.

XXVII. **В. Ѳ. Икономовъ.** Наканунѣ реформъ Петра Великаго. Очерки государственнаго, общественнаго и частнаго быта Московской Руси XVII вѣка. XXIII + 304. Ц. 1 р. 25 к.

XXVIII. **А. К. Роджерсъ.** Краткое введеніе въ исторію новой философіи. Перев. *С. С. Звлинскаго,* подъ ред. *Ю. И. Айхенвальда.* XX + 224. Ц. 1 руб.

XXX. **А. Берри.** Краткая исторія астрономіи. Перев. *С. Г. Займовскаго,* подъ ред. проф. *Р. Ф. Фогеля* Съ 112 рис. и портр. XXXIX+606. Ц. 2 р. 50 к.

XXXIII. **Д. Романэсъ.** Духовная эволюція человѣка. Перев. *Е. И. Бошнякъ* подъ ред. *Н. Д. Виноградова.* XXV + 618. Ц. 2 р.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

XXIX. **Г. Тардъ.** Преступникъ и преступленіе. Перев. *Е. В. Выставкиной,* подъ редакціей *М. Н. Гернета.*

XXXIV. Проф. **Ян. Самойловъ.** Введеніе въ кристаллографію.

II. **А. Бэнь.** Психологія. Томъ II. Перев. *С. И. Ершова.*

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

XII. **Лексисъ.** Экономія торговли. Перев. *Е. Д. Богданова,* подъ редакціей проф. *А. И. Чупрова.*

XIII. Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ до Смутнаго времени. Сборникъ статей, изд. подъ редакціей *В. Н. Сторожева.* Вып. II.

XVIII. Исторія Римской республики по Моммсену. Перев. *Н. Н. Шамонина.* Вып. II.

XXXI. **Анри Мишель.** Идея государства. Перев. *П. А. Рожественскаго.*

XXXII. Проф. **Гефдингъ.** Исторія философіи. Въ 2-хъ томахъ. Перев. *Д. В. Викторова.*

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ СЕРІЯ.

I. **Карлъ Федернъ.** Данте. Перев. съ нѣм. *В. М. Спасской,* подъ ред. *М. Н. Розанова.* Съ многочисленными иллюстраціями.

БРОШЮРНАЯ СЕРІЯ.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

I. **В. Круксъ.** О происхожденіи химическихъ элементовъ. Перев. *А. В. Генерозова,* подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. *М. И. Коновалова.* XVI + 49. Ц. 50 к.

IV. **Г. Еллинекъ**. Декларація правъ человѣка и гражданина. Перев. съ нѣм. подъ ред. *А. Э. Вормса*. 2-е изданіе, пересмотрѣнное. XIX+81. Ц. 40 к.
V. **Ф. Гизель**. О радіоактивныхъ веществахъ и ихъ лучахъ. Перев. *А. Е. Чичибабина*, подъ ред. проф. *М. И. Коновалова*. XVI + 48. Ц. 35 к.
VI. **И. Кантъ**. Вѣчный миръ. Перев. студентовъ *С. М. Роговина* и *Б. В. Чредина* подъ ред. проф. *гр. Л. А. Камаровскаго*. XXIV+73. Ц. 40 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

II. Проф. **М. И. Коноваловъ**. Практическія упражненія по общей химіи.
III. **Р. Іерингъ**. Общественное развитіе права и нравственности. Перев. *Д. Д. Бекарюкова*.

Изданія И. А. Баландина.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

I. **Е. Вармингъ**. Ойкологическая географія растеній. Перев. подъ редакціей прив.-доцентовъ *М. Голенкина* и *В. Арнольди*. Съ дополненіями по русской флорѣ и 100 рис. въ текстѣ. XXII + 522. Ц. 3 р. 50 к.
II. **А. Бэнъ**. Психологія. Перев. съ англійскаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ прив.-доцента *А. Бѣлкина*. Томъ 1. Съ 13 рис. въ текстѣ. XXII + 417. Ц. 2 р.
III. **А. Фишеръ**. Лекціи о бактеріяхъ. Перев. *А. В. Генерозова*, съ предисловіемъ и статьей „Дыханіе и броженіе“ проф. *Н. Н. Худякова*. 29 рис. въ текстѣ. XVI + 229 + V + 20. Ц. 1 р. 60 к.

КОМИССІЯ
ПО ОРГАНИЗАЦІИ ДОМАШНЯГО ЧТЕНІЯ,

состоящая при Учебномъ Отдѣлѣ О. Р. Т. З.

Удостоена серебряной медали на всемірной выставкѣ въ Парижѣ 1900 г.

Москва, Большая Никитская, Шереметевскій пер., д. Рихтера, кв. № 6.

Програмы домашняго чтенія на 1-й годъ систематическаго курса.

Изданіе седьмое, исправленное и дополненное.

Содержаніе: Предисловіе. — Правила для сношеній читателей съ Комиссіей. — Составъ Комиссіи и списокъ пожертвованій въ ея пользу. — Планы систематическаго чтенія на четыре года. — Программы на 1-й годъ.

I. **Математика**: 1) Курсъ общеобразовательный (аналитическая геометрія), 2) курсъ спеціальный (элементарная математика). II. **Науки физико-химическія**: 1) физика (механическій отдѣлъ, ученіе о теплотѣ, звукѣ и свѣтѣ), 2) химія (введеніе и неорганическая химія). III. **Науки біологическія**: введеніе, органографія цвѣтковыхъ растеній и ученіе объ устройствѣ человѣческаго тѣла. IV. **Науки философскія**: программа первая (психологія и логика), программа вторая (логика). V. **Науки общественно-юридическія**: 1) исторія и строеніе общества, 2) политическая экономія. VI. **Исторія**: 1) первобытная культура, 2) Древній востокъ, 3) Греція, 4) Римъ. VII. **Исторія литературы**: греческая и римская. **Списокъ книжныхъ магазиновъ и библіотекъ, вошедшихъ въ соглашеніе съ Комиссіей** относительно снабженія ея читателей книгами. Объявленія.

Цѣна 35 к., съ пересылкой — 48 к., наложеннымъ платежомъ — 65 к.

Программы домашняго чтенія на 2-й годъ систематическаго курса.

Изданіе третье, исправленное и дополненное.

Содержаніе: Предисловіе.— Правила для сношеній читателей съ Комиссіей. — Составъ Комиссіи и списокъ пожертвованій въ ея пользу. — Планы систематическаго чтенія на четыре года. — Программы на 2-й годъ.

I. **Математика:** 1) курсъ общеобразовательный (дифференціальное и интегральное счисленія), 2) курсъ спеціальный (аналитическая геометрія). II. **Науки физико-химическія:** 1) физика (ученіе объ электричествѣ и магнитизмѣ), 2) химія органическая, химія теоретическая и физическая. III. **Науки біологическія:** 1) анатомія растеній, 2) споровыя растенія, 3) сравнительная анатомія животныхъ, 4) гистологія и эмбріологія животныхъ. IV. **Науки философскія:** программа первая (исторія философіи), программа вторая (психологія съ педагогикой). V. **Науки общественно - юридическія:** 1) общее ученіе о правѣ, 2) государственное право (общее западныхъ державъ и русское), 3) экономическая исторія Англіи. VI. **Исторія:** 1) всеобщая (Средніе вѣка), 2) русская (до Смутнаго времени). VII. **Исторія литературы:** 1) всеобщая литература (Средніе вѣка и эпоха Возрожденія), 2) русская литература (до XVII вѣка). **Списокъ книжныхъ магазиновъ и библіотекъ,** вошедшихъ въ соглашеніе съ Комиссіей относительно снабженія ея читателей книгами. Объявленія.

Цѣна 45 к., съ пересылкой — 60 к., наложеннымъ платежомъ — 77 к.

Программы домашняго чтенія на 3-й годъ систематическаго курса.

Изданіе второе, исправленное и дополненное.

Содержаніе: Предисловіе.— Правила для сношеній читателей съ Комиссіей. — Составъ Комиссіи и списокъ пожертвованій въ ея пользу. — Планы систематическаго чтенія на четыре года.— Программы на 3-й годъ.

I. **Науки математическія.** II. **Науки о природѣ неорганизованной (физико-химическія):** А. Астрономія. Б. Метеорологія и климатологія. III. **Науки о природѣ организованной (біологическія):** А. Общая физіологія. Б. Физіологія растеній. В. Физіологія животныхъ. IV. **Науки философскія:** программа первая (теорія познанія и метафизика), программа вторая (исторія древней и средневѣковой философіи). V. **Науки общественно-юридическія:** 1) экономическая исторія Россіи, 2) экономія сельскаго хозяйства, 3) экономія промышленности, 4) экономія торговли, 5) гражданское право, 6) уголовное право. VI. **Исторія:** 1) всеобщая исторія (XVI, XVII и XVIII вв.). Программа А. Программа Б, 2) русская исторія (XVII и XVIII вв.). VII. **Исторія литературы:** 1) всеобщая литература: А. Испанская литература (XVII и XVIII вв.). Б. Англійская литература (XVII и XVIII вв.). В. Итальянская литература (XVII и XVIII вв.). Г. Вѣкъ ложнаго классицизма во Франціи. Д. Французская литература (XVIII в.). Е. Нѣмецкая литература (XVII в.). Ж. Нѣмецкая литература (XVIII в.); 2) Русская литература XVIII в. **Программы чтенія по отдѣльнымъ наукамъ.** Этнографія. **Чтеніе по отдѣльнымъ вопросамъ (темамъ).** Отдѣльныя темы по общественнымъ наукамъ. **Приложеніе:** Параллельная программа по экономіи сельскаго хозяйства. Дополнительный списокъ пособій. **Списокъ книжныхъ магазиновъ и библіотекъ,** вошедшихъ въ соглашеніе съ Комиссіей относительно снабженія ея читателей книгами. Объявленія.

Цѣна 60 к., съ пересылкой — 85 к., наложеннымъ плате жомъ — 95 к.

Програмы домашняго чтенія на 4-й годъ систематическаго курса.

Содержаніе: Предисловіе.— Правила для сношеній читателей съ Комиссіей. — Составъ Комиссіи и списокъ пожертвованій въ ея пользу.— Планы систематическаго чтенія на четыре года.— Программы на 4-й годъ.

I. **Математика** (спеціальный курсъ): Теоретическая механика. II. **Науки физико-химическія:** Динамическая геологія. III. **Науки біологическія:** А. Палеонтологія. Б. Біогеографія. В. Теорія эволюціи и дарвинизмъ. Г. Самостоятельныя научныя работы по ботаникѣ. IV. **Науки философскія:** программа первая (этика), программа вторая (исторія новой философіи). Темы для письменныхъ работъ по исторіи новой философіи. V. **Науки общественно-юридическія:** Международное право. Соціальная политика. Финансовая наука. VI. **Исторія:** 1) Всеобщая исторія (эпоха французской революціи и XIX вѣкъ). Программа А. (полная). Программа Б. (сокращенная). 2) Русская исторія (XIX вѣкъ). VII. **Исторія литературы:** Всеобщая литература. А. Нѣмецкая литература XIX в. Б. Французская литература XIX в. В. Англійская литература XIX в. Г. Итальянская литература XIX в. Д. Русская литература XIX вѣка. **Программы чтенія по этнографіи:** А. Славянскія народности. Б. Литовцы и латыши. В. Семитическіе народы. Г. Румыны и молдаване. Цыгане. **Списокъ книжныхъ магазиновъ и библіотекъ,** вошедшихъ въ соглашеніе съ Комиссіей относительно снабженія ея читателей книгами. Объявленія.

Цѣна 60 коп., съ перес. — 87 коп., налож. платежомъ—97 коп.

Эпизодическія программы.

Серія I. Содержаніе: «Пирамида» (Древній Египетъ). *М. О. Гершензона.* — «Средневѣковый городъ». *А. К. Дживелегова.* — «Исторія французской революціи». *М. Н. Коваленскаго.*—«Смутное время въ Московскомъ государствѣ». *Н. Н. Алябьева.* — «Исторія кодификаціи гражданскаго права въ Россіи». *В. А. Краснокутскаго* и *К. К. Нотгафта.*—«Растительныя сообщества Средней Россіи». *А. Ѳ. Флерова.*— «Валленштейнъ» Шиллера. *А. Ѳ. Лютера.*—«Байронъ и его время». *П. С. Когана.*—«Новгородскія былины». *Н. М. Мендельсона.*—«Городское хозяйство и городскіе финансы». *П. П. Гензеля.* — «Факторы преступности». *Н. Н. Полянскаго.*—«Основы судебной реформы 1864 г. въ Россіи». *С. В. Позднышева.*—«Вопросъ о смертной казни въ старой и новой литературѣ». —*С. В. Позднышева.* Изданіе 2-е. Цѣна 20 к., съ перес.—31 к., налож. платежомъ—41 к.

Серія II. Содержаніе: «Корея». *А. А. Борзова.* — «Японія». *М. Н. Коваленскаго* и *С. Г. Григорьева.* — «Право войны». *А. С. Ященко.*—«Средневѣковая исторія Англіи». *Д. М. Петрушевскаго.* — «Горе отъ ума» Грибоѣдова. *Ю. И. Айхенвальда.* — «Анна Каренина», романъ гр. Л. Н. Толстого. *И. Н. Розанова.*— «Дарвинизмъ». *Н. К. Кольцова.* Цѣна 15 к., съ перес.—19 к., налож. платежомъ—36 к.

Отчетъ Комиссіи домашняго чтенія за 1896 г. съ приложеніемъ статистическихъ матеріаловъ объ ея дѣятельности за 1895 и 1896 гг. Цѣна 30 к., съ пересылкой — 43 к., налож. платежомъ — 53 к.

А. В. Горбуновъ. Одинъ изъ опытовъ University Extension въ Россіи. Отчетъ о дѣятельности Комиссіи за 1897 г. Цѣна 15 к., съ пер. 17 к.

„Памяти Ѳ. И. Буслаева“. Съ портретомъ его. Изд. Учеб. Отд. Общ. Распростр. Технич. Знаній. М., 1898 г. Цѣна 75 коп.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго просвѣщенія книга эта рекомендована для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

„Тридцать лѣтъ жизни Учебнаго Отдѣла Общества Распростр. Технич. Знаній“. Съ 5 портретами и 15 біографіями. Составилъ А. Е. Грузинскій. М., 1902 г. Цѣна 1 р.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ въ канцеляріи Комиссіи по организаціи домашняго чтенія: Москва, Большая Никитская, Шереметевскій пер., д. Рихтера, кв. № 6.

И. Кантъ.

ВѢЧНЫЙ МИРЪ.

ФИЛОСОФСКІЙ ОЧЕРКЪ.

ПЕРЕВОДЪ СТУДЕНТОВЪ

С. М. Роговина и Б. В. Чредина,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРА

гр. Л. А. КАМАРОВСКАГО.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА — 1905.

По опредѣленію юридическаго факультета печатать разрѣшается 8 апр. 1905 г.

Деканъ *А. Алексѣевъ.*

ОТЪ РЕДАКЦІИ «БИБЛІОТЕКИ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ».

За послѣднія десятилѣтія въ русскомъ обществѣ замѣчается несомнѣнное усиленіе интереса къ самообразованію. Оживленіе издательской дѣятельности, устройство въ провинціи курсовъ и публичныхъ лекцій, появленіе въ Москвѣ и Петербургѣ кружковъ спеціалистовъ, ставящихъ своей задачей помощь самообразованію, — все это дѣлаетъ очевиднымъ, что потребность въ серьезномъ чтеніи сознается у насъ все болѣе расширяющимися общественными кругами. Къ сожалѣнію, популяризація знаній, необходимыхъ для всякаго образованнаго человѣка, все еще далеко не идетъ вровень съ этимъ быстрымъ усиленіемъ спроса на чтеніе со стороны жаждущей просвѣщенія публики. Оригинальныхъ популяризаторовъ у насъ еще слишкомъ мало, а выборъ переводныхъ произведеній далеко не всегда дѣлается лицами, которыя соединяли бы въ себѣ пониманіе потребностей современнаго русскаго читателя съ хорошимъ знаніемъ иностранной популярной литературы. Отъ этого на нашемъ книжномъ рынкѣ такъ часто появляются книги, нужныя только тѣмъ, кто могъ бы прочесть ихъ и въ иностранномъ подлинникѣ, и, наоборотъ, многихъ книгъ, которыя были бы нужны всякому образованному человѣку, на русскомъ языкѣ не существуетъ. Въ

результатѣ одинаково страдаютъ и интересы издателей, и интересы читающей публики. Не находя въ современной популярной литературѣ того, что имъ нужно, тѣ и другіе прибѣгаютъ, наконецъ, къ помощи старыхъ любимцевъ русской интеллигенціи. Повторяющіяся перепечатки многихъ старыхъ изданій безспорно свидѣтельствуютъ какъ объ увеличеніи запроса на самообразовательное чтеніе со стороны читателей, такъ и о недостаткѣ на русскомъ языкѣ произведеній новѣйшей популярной литературы, которыя могли бы удовлетворить этому запросу.

Въ послѣднее время, однако, въ издательское дѣло замѣтно проникла свѣжая струя. Старыя и вновь возникающія фирмы принимаются за изданіе цѣлаго ряда серій популярныхъ книгъ для чтенія и самообразованія. Къ этого рода серіямъ принадлежитъ и «Библіотека для самообразованія». Но среди другихъ подобныхъ изданій она занимаетъ свое особое мѣсто въ связи съ той спеціальной цѣлью, которую она преслѣдуетъ. Эту цѣль, долженствующую сообщить всѣмъ выпускамъ «Библіотеки для самообразованія» нѣкоторое внутреннее единство, редакція считаетъ нужнымъ особенно подчеркнуть.

«Библіотека для самообразованія» находится въ самой тѣсной связи съ московской «Комиссіей по организаціи домашняго чтенія», начавшей свою дѣятельность при «Учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній» въ 1893 году, и редакторы «Библіотеки для самообразованія» всѣ состоятъ членами Комиссіи.

Составляя свои «программы» систематическаго чте-

нія, Комиссія, какъ видно изъ ея проспекта, имѣетъ въ виду соединить общедоступность чтенія съ его серьезностью и основательностью. Съ этой цѣлью въ каждой программѣ указанъ тотъ *необходимый минимумъ* познаній, безъ усвоенія котораго ознакомленіе съ соотвѣтствующимъ отдѣломъ науки нельзя признать сколько-нибудь основательнымъ. *Всѣ* книги, необходимыя для пріобрѣтенія такого минимума познаній, указаны *на русскомъ языкѣ,* и почти всѣ онѣ доставляются читателямъ Комиссіей на льготныхъ условіяхъ (см. «Правила для сношеній съ Комиссіей», перепечатанныя въ концѣ настоящаго тома). Относительно способа усвоенія *необходимыхъ* пособій даны въ программахъ ближайшія указанія. Всѣ указанія Комиссіи дѣлаются такъ, чтобы ими могли воспользоваться лица трехъ категорій: 1) лица, вовсе не имѣвшія возможности пріобрѣсти правильнаго средняго образованія, но болѣе или менѣе привыкшія читать серьезныя книги популярно-научнаго содержанія; 2) лица, окончившія курсъ средней школы, но не получившія высшаго образованія, и 3) лица, окончившія высшую школу, которыя пожелали бы съ помощью Комиссіи освѣжить забытыя знанія, пополнить пробѣлы или пріобрѣсти новыя свѣдѣнія въ незнакомыхъ имъ отдѣлахъ наукъ. При составленіи «программъ», Комиссія имѣла въ виду нѣкоторый средній уровень читателей; этотъ средній уровень характеризуется въ глазахъ Комиссіи не столько количествомъ пріобрѣтенныхъ свѣдѣній, сколько извѣстной привычкой къ серьезному чтенію. Умѣнье читать серьезную книгу есть необходимое условіе успѣшности самообразованія. Къ сожалѣнію, это умѣнье

принадлежитъ къ числу навыковъ, которые трудно передать съ помощью однихъ письменныхъ сношеній. Комиссіи поневолѣ приходится предполагать, что у ея читателей этотъ навыкъ уже пріобрѣтенъ.

Содержаніе книжекъ, издаваемыхъ въ «Библіотекѣ для самообразованія», находится въ прямой зависимости отъ намѣченныхъ Комиссіей цѣлей, какъ онѣ охарактеризованы въ приведенныхъ выдержкахъ изъ ея проспекта. Редакція «Библіотеки для самообразованія» предполагаетъ вводить въ свою серію только такія книги, изъ которыхъ каждая давала бы необходимый минимумъ познаній, безъ усвоенія котораго ознакомленіе съ соотвѣтствующимъ отдѣломъ науки нельзя признать сколько-нибудь основательнымъ. Другими словами, «Библіотека для самообразованія» будетъ состоять изъ ряда пособій, признанныхъ Комиссіей «необходимыми» для усвоенія ея «программъ», но не существовавшихъ до сихъ поръ въ русской популярной литературѣ или же вышедшихъ изъ продажи, а также изданныхъ въ неудовлетворительномъ переводѣ. Съ подобными пробѣлами постоянно принуждена считаться всякая программа для самообразованія; и чѣмъ она общѣе и энциклопедичнѣе, тѣмъ пробѣловъ оказывается больше, и тѣмъ необходимѣе становится создать литературу, спеціально приспособленную для самообразовательныхъ цѣлей, какъ ихъ ставитъ та или другая программа. Англійскія и американскія общества содѣйствія самообразованію уже стали на этотъ путь — созданія спеціально приспособленныхъ къ программамъ пособій. Подобную же попытку предполагаютъ

сдѣлать и редакторы «Библіотеки для самообразованія». Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ заграничной популярной литературѣ имѣются вполнѣ подходящія сочиненія, редакція будетъ переводить ихъ или переиздавать уже переведенныя книги; если же подходящихъ пособій не имѣется, редакція будетъ издавать сборники, хрестоматіи, компиляціи или оригинальныя произведенія, приспособленныя къ программамъ Комиссіи. Такимъ образомъ, руководители «домашняго чтенія» и ихъ читатели не будутъ зависѣть отъ случайнаго наличнаго состава популярной литературы, имѣющейся на русскомъ языкѣ, а читающая публика, вообще, получитъ рядъ общедоступныхъ руководствъ по всѣмъ отраслямъ общеобразовательныхъ знаній.

Благодаря содѣйствію издательской фирмы Т-ва И. Д. Сытина, редакція имѣетъ возможность придать книжкамъ «Библіотеки для самообразованія» внѣшній видъ, соотвѣтствующій европейскимъ изданіямъ этого рода, не поднимая въ то же время цѣны изданія выше обыкновенной. Небольшой форматъ и прочный переплетъ должны отвѣчать назначенію «Библіотеки для самообразованія», цѣль которой — дать рядъ основныхъ пособій, предназначенныхъ для постояннаго употребленія.

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Сочиненіе Канта: «Zum ewigen Frieden» принадлежитъ, какъ извѣстно, къ наиболѣе позднимъ его работамъ. Оно вышло къ 1795 г. въ Кенигсбергѣ [1]), въ числѣ 1,500 экземпляровъ, разошедшихся въ нѣсколько недѣль, что вызвало уже въ слѣдующемъ (1796) [2]) году второе «дополненное» изданіе. Къ нему было присоединено второе добавленіе: «О тайной статьѣ къ вѣчному миру». Явившись въ годъ Базельскаго мира Пруссіи съ Французской республикой, сочиненіе это, хотя и не содержитъ въ себѣ прямыхъ указаній на современные ему политическія событія, но стоитъ отъ нихъ, несомнѣнно, въ прямой зависимости, какъ со стороны своей внѣшней формы, такъ и по своему содержанію и направленію. Оно написано на подобіе настоящаго мирнаго трактата (особенно того времени), раздѣляя свой предметъ на статьи: прелиминарныя (предварительные) и дефинитивныя (окончательныя) и къ нимъ присоединяя еще статьи секретныя. Базельскій трактатъ, хотя бы для Пруссіи, положилъ на время конецъ очень не-

[1]) *Zum ewigen Frieden.* Ein philosophischer Entmurf von Immanuel Kant. Königsberg, bei Friedrich Nicolovius. 1795, 104 S., 8⁰.

[2]) Тотъ же издатель и въ такомъ же числѣ экземпляровъ, какъ и первое изданіе; содержитъ въ себѣ 112 стр. Подлинная рукопись Канта *Zum ewigen Grieden* хранится въ Кенигсбергѣ и содержитъ въ себѣ 12 листовъ in-folio.

популярной тогда войнѣ съ Франціею, провозгласившей новыя начала въ политической и общественной жизни. Среди нихъ была и критика войны, какъ явленія отсталаго, варварской эпохи, осужденіе завоеваній, проповѣдь вѣчнаго мира. Въ пользу послѣдняго, кромѣ Канта, высказывались изъ его современниковъ еще такіе мыслители, какъ Руссо, Гердеръ и Бентамъ.

Высокій научный интересъ монографіи Канта «Zum ewigen Frieden» заключается въ троякомъ направленіи: она, во-первыхъ, даетъ намъ въ небольшомъ, но глубокомъ очеркѣ основныя положенія того, что, по мысли Канта, должна содержать въ себѣ система политики, основанная на принципахъ практической философіи. Самъ философъ предполагалъ изложить эту систему, но не выполнилъ своего плана [1]). Она, во-вторыхъ, подвергаетъ мѣткой критикѣ политику,

[1]) О немъ онъ упоминаетъ въ концѣ своего введенія къ «ученію о правѣ». Политическія идеи Канта, кромѣ его Rechtslehre (1797), разсѣяны еще въ слѣдующихъ его статьяхъ: Ideen zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht (1784), Ueber den Gemeinspruch: das mag in der Theorie richtig sein, taugt aber nicht für die Praxis (1793), Streit der Fakultäten (1798) и т. д. Подробнѣе объ этомъ см.: *Чичеринъ*, «Исторія политическихъ ученій». Ч. 3. 1874 г., стр. 324—374 (прекрасный, обстоятельный очеркъ ученія Канта). Того же автора «Политическіе мыслители древняго міра». Москва, 1897 г., вып. 2-й, стр. 161—238. *Вл. Соловьевъ*, «Кантъ» въ Энцикл. Словарѣ Брокгауза и Ефрона. Т. XIV, 1895; останавливается не только на идеяхъ Канта, но и на литературѣ о немъ и въ частности русской (упоминая и о переводахъ его сочиненій на нашъ языкъ). *Новгородцевъ*, «Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ». 1901 г. Спеціально параграфъ: политическая теорія Канта (стр. 126—145). Томы, посвященные Канту *Куно Фишеромъ* въ его классической исторіи новѣйшей философіи (III и IV), переведены на русскій языкъ подъ редакціею Страхова и затѣмъ вышли въ новомъ переводѣ Полилова, Жуковскаго и Лосскаго. Кромѣ того *Паульсенъ*, «Кантъ», переводъ Лосскаго. 1899 г. стр. 316—332. Есть 2-е испр. изд.

которой слѣдовали кабинеты въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма, и особенно выдвигаетъ необходимость согласованія политики съ моралью,— идея, совершенно пришедшая въ пренебреженіе у властителей народовъ со временъ Макіавелли. Наконецъ, въ-третьихъ, она въ сжатыхъ, глубокихъ положеніяхъ набрасываетъ программу всего будущаго движенія въ пользу мира, развившагося уже въ продолженіе XIX вѣка и духовнымъ отцомъ котораго, безъ преувеличенія, можетъ быть признанъ великій кенигсбергскій мыслитель [1]. Это его значеніе придаетъ особый интересъ переведенному нами трактату въ наши дни. Какъ и тогда, въ дни его появленія, бушуетъ убійственная война. На тяжеломъ опытѣ снова подтверждается народамъ истина глубокаго несоотвѣтствія и противорѣчія этой формы борьбы со всѣмъ строемъ современной культуры. Въ нихъ усиленно проявляется неотложная потребность мира и обезпеченнаго юридическаго порядка какъ въ ихъ внутренней жизни, такъ и въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ. Но и въ этой области оказывается вѣрнымъ призывъ, не безъ основанія раздавшійся въ наукѣ за послѣднее время: «Zurück zu Kant». Его критическія положенія по вопросу о мирѣ, столь оригинальныя и смѣлыя для его времени, частью вошли постепенно въ сознаніе народовъ, частью намѣчаютъ тѣ пункты, которые должны свѣтить имъ, на подобіе маяковъ, на ихъ дальнѣйшемъ пути къ осуществленію принциповъ права, свободы и мира.

---

[1]) О значеніи этого движенія и его историческихъ фазисахъ см. прекрасную книгу Alfred Fried, *Handbuch der Friedensbewegung*. 1905.

Для лучшаго уразумѣнія читателемъ настоящаго трактата, считаемъ полезнымъ напомнить ему, что, по ученію Канта, въ этомъ слѣдовавшаго Руссо, государство возникаетъ изъ *первобытнаго договора*, по которому всѣ лица въ народѣ отказываются отъ своей внѣшней свободы, съ тѣмъ, чтобы получить ее обратно, въ качествѣ членовъ государства. Идея этого договора служитъ мѣриломъ правомѣрности политическаго порядка. Разумъ посредствомъ категорическаго императива (предписаніе нравственнаго долга) обязываетъ насъ стремиться къ тому, чтобы государственное устройство было сообразно съ законами права. *Государство* онъ опредѣляетъ какъ соединеніе извѣстнаго количества людей подъ юридическими законами. Признавая, вслѣдъ за Монтескье, важность раздѣленія властей въ государствѣ въ видахъ обезпеченія за его жителями политической свободы, Кантъ не придавалъ большого значенія обычному дѣленію государственныхъ формъ по ихъ устройству (монархія, аристократія и демократія), а центръ тяжести полагалъ въ *способахъ управленія* народомъ (Regierungsarten, въ отличіе отъ Staatsformen) и съ этой точки зрѣнія дѣлилъ всѣ способы правленія на *республиканскій* и *деспотическій*. Первый основанъ на отдѣленіи исполнительной власти отъ законодательной, второй—на ихъ сліяніи. Изъ всѣхъ политическихъ формъ, по мнѣнію Канта, демократія болѣе всѣхъ клонится къ деспотизму, ибо здѣсь всѣ рѣшаютъ противъ одного, а подобное рѣшеніе является противорѣчіемъ общей воли, какъ съ собственными началами, такъ и съ свободою гражданъ. Въ монархіи, напротивъ, всего легче отдѣлить исполнительную власть отъ законодательной и такимъ

образомъ приблизиться къ республиканскому устройству. Естественное состоянiе само по себѣ есть состоянiе беззаконiя, которое не представляетъ никакихъ гарантiй для мирнаго сожительства. Категорическiй императивъ предписываетъ людямъ непремѣнное вступленiе въ гражданскiй порядокъ. То же самое относится и къ народамъ. Но тутъ можно ограничиться формою *свободнаго союза*, единственно возможнаго въ международныхъ отношенiяхъ. Установленiе всемiрнаго союза государствъ есть непремѣнное требованiе права. Оно одно можетъ дать окончательную правомѣрность человѣческимъ учрежденiямъ, которыя безъ того всегда сохраняютъ временный характеръ. Этимъ только путемъ можно достигнуть и высшей цѣли политическаго порядка — *вѣчнаго мира;* и хотя бы эта идея, при настоящемъ состоянiи обществъ, представлялась только мечтою, но стремленiе къ ней и употребленiе всѣхъ средствъ для ея достиженiя есть непремѣнный *долгъ всякаго человѣка.* Это — категорическiй императивъ практическаго разума, который гласитъ, что *между людьми не должно быть войны.* Поэтому тутъ нѣтъ мѣста для сомнѣнiй [1]).

Кантъ, какъ строгiй и трезвый мыслитель, былъ одинаково чуждъ мечтательности и сентиментализма. Но въ вѣчномъ мирѣ онъ видитъ конечную цѣль международнаго права и такъ выражается о немъ въ другомъ знаменитомъ своемъ сочиненiи: «Вопросъ лежитъ не въ томъ, есть ли вѣчный миръ нѣчто реальное или утопiя (Ding oder Unding) и не впадаемъ ли мы въ ошибку, когда въ нашемъ теоретическомъ сужденiи признаемъ первое, но мы должны

[1]) Чичеринъ, назв. соч.

поступать такъ, какъ будто бы вѣчный миръ былъ цѣлью реальною (als ob das Ding sei), хотя бы, быть можетъ, это и не было такъ, и направлять наши усилія къ его обоснованію и къ проведенію той конституціи, которая для него является наиболѣе подходящею (быть можетъ, республиканизмъ для всѣхъ государствъ вмѣстѣ), чѣмъ будетъ положенъ конецъ бѣдственнымъ войнамъ, на веденіе которыхъ до сихъ поръ всѣ государства безъ исключенія направляютъ всѣ свои силы, видя въ этомъ главную свою цѣль. И если бы полное достиженіе такой задачи осталось навсегда лишь добрымъ пожеланіемъ, то и тогда мы во всякомъ случаѣ не ошиблись бы, выставивъ принципъ непрестанной работы къ ея осуществленію, ибо это для насъ есть долгъ» [1]).

Настоящій трактатъ Канта не былъ еще переведенъ цѣликомъ на русскій языкъ. Посвященная ему небольшая интересная работа проф. П. В. Тихомирова [2]) является отчасти сокращеніемъ и пересказомъ его, отчасти комментаріемъ къ нему. Намъ казалось полезнымъ дать нашимъ читателямъ точный и полный текстъ самого этого сочиненія Канта, не утратившаго, какъ сказано, научнаго и живого интереса въ наше время и въ особенности для нашего отечества, въ переживаемую эпоху кризиса въ его внѣшней и внутренней жизни.

Предлагаемый переводъ сдѣланъ съ нѣмецкаго изданія *Карла Кербаха* [3]). Кромѣ свѣдѣній о тек-

---

[1]) *Metaphysik der Sitten*. 2 Theil. 5 Abth. Beschluss.

[2]) *Вѣчный миръ въ философскомъ проектѣ Канта*. 1899 г.

[3]) Karl Kehrbach, *Zum ewigen Frieden. Von Kant*. Leipzig. 1881. Изданіе дешевой популярной *Universal-Bibliothek*. Въ основаніе положенъ текстъ изданій 1795 и 96 гг. съ указаніями на позднѣй-

сгахъ и библіографіи, а равно объ отзывахъ современниковъ о настоящей работѣ Канта, издатель касается двухъ предметовъ, заслуживающихъ особаго вниманія. Онъ подчеркиваетъ несовмѣстимость войны вообще съ христіанствомъ, какъ религіею по преимуществу любви и мира. Онъ высказываетъ мысль, что война 1870—71 г. не содѣйствовала нравственному и духовному возвышенію Германіи, а напротивъ вызвала увлеченія «грюндерствомъ» (Gründungsschwindel), благодаря милліардамъ контрибуціи; въ сферѣ экономической, на почвѣ политической — повела къ расцвѣту все болѣе разростающагося «византизма» (Byzantinismus), къ умноженію преступленій, о чемъ свидѣтельствуетъ уголовная статистика, и т. д. Авторъ приводитъ любопытное совпаденіе съ ученіемъ Канта мыслей человѣка, который прославилъ себя тѣмъ, что посвятилъ всю свою жизнь служенію войнѣ, фельдмаршала графа Мольтке: онъ считалъ войну, даже побѣдоносную, великимъ народнымъ бѣдствіемъ. Къ сожалѣнію, это воззрѣніе еще не общераспространенное, но оно можетъ сдѣлаться таковымъ въ будущемъ благодаря лучшему религіозному и нравственному воспитанію народовъ [1]). Правда, въ извѣстномъ письмѣ къ Блюнчли, Мольтке выступилъ въ качествѣ защит-

---

шія главныя изданія сочиненій Канта: Розенкранца и Шуберта (1838), Гартенштейна (1839 и 1867) и Кирхмана (1868). Въ нашемъ переводѣ опущено только одно примѣчаніе о Китаѣ (и Тибетѣ), какъ не относящееся къ предмету и устарѣвшее (стр. 23—24 у Кербаха).

[1]) *Brief Moltke's an einen sächsiscsr Landmann. Saale-Zeitung* 1880, № 28.

ника войны, какъ одного изъ элементовъ установленнаго Богомъ міровою порядка, поддерживающаго въ человѣкѣ самыя благородныя добродѣтели [1]). Но безпристрастіе требуетъ напомнить, что война, съ другой стороны, пробуждаетъ въ человѣкѣ и самые низкіе пороки, и Кантъ не безъ основанія въ приводимой ниже оцѣнкѣ войны ссылается на слова одного древняго грека: «Война дурна тѣмъ, что болѣе создаетъ людей злыхъ, чѣмъ уничтожаетъ ихъ».

Настоящій переводъ сдѣланъ двумя студентами московскаго университета. По ихъ желанію, я съ удовольствіемъ взялъ на себя его редакцію. Мы старались болѣе всего о точности перевода, но затѣмъ и о возможной ясности его для русскаго читателя. Задача нелегкая, въ виду слога Канта, часто тяжеловѣснаго и замысловатаго: длинные періоды у него часто осложняются большими вставными предложеніями; нерѣдко самая мысль скорѣе намекается, нежели развивается съ должною обстоятельностью.

Появленіе нашего перевода можетъ считаться своевременнымъ, помимо вышеуказанныхъ обстоятельствъ, еще и въ виду недавно отпразднованнаго юбилея Канта по поводу столѣтія со дня его кончины (умеръ 12 февраля 1804 г.). Это обстоятельство снова направило мысль всего ученаго міра на кенигсбергскаго философа [2]), значеніе котораго

---

[1]) *Saale-Zeitung* 1881, № 28. *Revue de droit international* 1881, p. 79—84. Тутъ же напечатано и письмо Блюнчли къ Мольтке (по поводу изданнаго Ilse статутомъ международнаго права: *Manuel des lois de la guerre*).

[2]) На бывшемъ недавно засѣданіи московскаго психологическаго общества, посвященномъ памяти Канта, были произнесены рѣчи профессорами: Лопатинымъ, Новгородцевымъ и Вернад-

Вл. Соловьевъ опредѣляетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Согласно его собственному сравненію (съ Коперникомъ), Кантъ не открылъ для ума новыхъ міровъ, но поставилъ самый умъ на такую новую точку зрѣнія, съ которой все прежнее представилось ему въ иномъ и болѣе истинномъ видѣ. Въ области же этики ему принадлежитъ завершительная роль» [1]).

Гр. Л. Камаровскій.

Февраль 1905 г.

скимъ, освѣтившія съ главныхъ сторонъ его ученіе и помѣщенныя въ «Вопросахъ Психологіи и Философіи» за 1905 г. январь и февраль.

[1]) Назв. ст. въ «Энц. Слов.».

ВѢЧНЫЙ МИРЪ.

Эта сатирическая надпись находится на вывѣскѣ одного голландскаго трактирщика, рядомъ съ изображеннымъ на той же вывѣскѣ кладбищемъ. Къ кому обращена она? Вообще ли къ людямъ, или въ частности къ правителямъ государствъ, которые никогда не могутъ пресытиться войной, или, быть можетъ, только къ философамъ, мечтающимъ объ этомъ чудномъ снѣ?.. Этотъ вопросъ можно оставить нерѣшеннымъ. Но авторъ настоящаго сочиненія выговариваетъ для себя слѣдующее: политику-практику, въ случаѣ спора съ политикомъ-теоретикомъ, слѣдуетъ поступать настолько послѣдовательно, чтобы не усматривать опасности для государства въ тѣхъ, лишь на случайный успѣхъ разсчитанныхъ мнѣніяхъ, которыя открыто передъ всѣми высказалъ теоретикъ. Вѣдь отношенія между ними таковы, что практикъ съ гордымъ самодовольствомъ смотритъ на теоретика сверху внизъ, какъ на школьнаго мудреца, совершенно не опаснаго со своими пустыми идеями для государства, которому слѣдовало бы исходить изъ опытныхъ принциповъ; государственный человѣкъ, знающій свѣтъ, можетъ нисколько не опасаться за исходъ игры, какъ бы удачны ни были ходы его партнера. Этой оговоркой (Clausula salvatoria) авторъ сочиненія хочетъ считать себя ясно и въ лучшей формѣ огражденнымъ отъ всякаго злостнаго толкованія.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ,

содержащій прелиминарныя статьи къ вѣчному миру между государствами.

1. *Ни одинъ мирный договоръ, при заключеніи котораго удержаны втайнѣ поводы къ будущей войнѣ, не долженъ считаться таковымъ.*

Вѣдь въ такомъ случаѣ онъ былъ бы простымъ перемиріемъ, временнымъ прекращеніемъ враждебныхъ дѣйствій, а не миромъ, который означаетъ конецъ всѣхъ враждебныхъ дѣйствій и къ которому присоединять прилагательное «вѣчный» есть уже подозрительный плеоназмъ. Мирнымъ договоромъ уничтожены всѣ существующія, хотя въ данный моментъ, быть можетъ, еще неизвѣстныя самимъ мирящимся сторонамъ причины къ будущей войнѣ, съ какой бы зоркостью и изворотливостью ни выискивались онѣ изъ архивныхъ документовъ. Это удерживаніе (reservatio mentalis) старыхъ претензій, которыя выставятъ лишь впослѣдствіи и о которыхъ въ данный моментъ не можетъ упомянуть ни одна изъ сторонъ, такъ какъ обѣ (при преступномъ намѣреніи использовать для этой цѣли первый удобный случай) слишкомъ истощены, чтобы продолжать войну, — есть іезуитская казуистика; если обсуждать дѣло такъ, какъ оно есть само по себѣ, то

подобные пріемы ниже достоинства правителя, точно также, какъ и готовность къ такимъ выведеніямъ ниже достоинства его министра.

Но это сужденіе покажется, конечно, школьнымъ и педантичнымъ, если, согласно съ просвѣщенными понятіями государственнаго благоразумія, полагать истинное достоинство государства въ непрестанномъ увеличеніи могущества какими бы то ни было средствами.

2. *Ни одно самостоятельное государство (размѣры его здѣсь безразличны) не должно путемъ наслѣдованія, мѣны, покупки или даренія быть пріобрѣтаемо другимъ государствомъ* [1]).

Государство раньше всего не есть имущество [patrimonium] (какъ, быть можетъ, та территорія, которую оно занимаетъ). Оно есть общество людей, которымъ и которыми повелѣвать и располагать не можетъ никто, кромѣ него самого. Но привить его, имѣвшаго, подобно дереву, свои собственные корни, какъ вѣтвь, къ другому государству означаетъ уничтожить его существованіе какъ моральной личности, сдѣлать изъ послѣдней вещь и противорѣчитъ, слѣдовательно, идеѣ первоначальнаго договора, безъ которой немыслимо никакое право надъ народомъ [1]). Каждому извѣстно — частью какъ новая отрасль промышленности, позволяющая безъ всякой

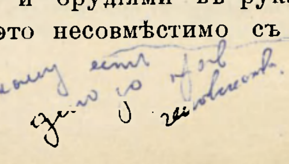
---

[1]) Наслѣдственная монархія не есть государство, которое можетъ быть наслѣдуемо другимъ государствомъ, но лишь право котораго управлять можетъ перейти по наслѣдству къ другому физическому лицу. Въ такомъ случаѣ государство пріобрѣтаетъ себѣ правителя, а не этотъ послѣдній, какъ таковой (т.-е. уже владѣющій другой имперіей), пріобрѣтаетъ себѣ данное государство.

затраты силъ путемъ лишь семейныхъ союзовъ достичь чрезвычайнаго увеличенія своего могущества, частью же какъ расширеніе такимъ же способомъ своихъ владѣній — то опасное положеніе, которое въ наше время вплоть до самыхъ послѣднихъ дней создавалъ для Европы (другія части свѣта никогда не знали ничего подобнаго) предразсудокъ этого способа пріобрѣтенія, въ силу котораго оказались возможными брачные договоры даже между государствами. Сюда же слѣдуетъ отнести и отдачу въ наемъ однимъ государствомъ своихъ войскъ другому противъ не общаго ихъ врага, такъ какъ въ этомъ случаѣ подданные употребляются и потребляются, какъ вещи, съ которыми можно распоряжаться по своему усмотрѣнію.

3. *Постоянныя войска (miles perpetuus) должны современемъ совершенно исчезнуть.*

Своей постоянной боевой готовностью эти войска непрестанно угрожаютъ другимъ государствамъ войной. Если же, благодаря соперничеству государствъ, каждое изъ нихъ начинаетъ стремиться къ превосходству надъ другими въ незнающемъ предѣла количествѣ вооруженныхъ, то, въ концѣ-концовъ, вслѣдствіе издержекъ на это, миръ становится тяжелѣе короткой войны, и тогда сами же государства, желая избавиться отъ этого бремени, являются причинами наступательныхъ войнъ: къ тому же и наемъ людей для того, чтобы убивать другихъ или быть убитыми самимъ, заключаетъ въ себѣ, повидимому, пользованіе людьми, какъ простыми машинами и орудіями въ рукахъ другого (государства), а это несовмѣстимо съ правами че-

ловѣчества въ насъ самихъ [1]). Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ добровольными, иеріодически производимыми уиражненіями гражданъ въ обращеніи съ оружіемъ, съ цѣлью обезпечить себя и свое отечество отъ нападеній извнѣ. Скопленіе денежныхъ фондовъ привело бы къ тѣмъ же результатамъ: разсматриваемое другими государствами, какъ угроза войной, оно принудитъ къ нападеніямъ, которыми они думаютъ предупредить нападеніе врага (такъ какъ изъ трехъ силъ: войска, союзовъ и денегъ, послѣднія могли были бы быть самымъ надежнымъ орудіемъ войны, если бы не было такъ трудно опредѣлить величину этого орудія).

4. *Государство не должно дѣлать долговъ въ видахъ борьбы между собою.*

Заключеніе внутреннихъ и внѣшнихъ займовъ, какъ источникъ помощи, не внушаетъ подозрѣній, пока оно имѣетъ въ виду нужды народнаго хозяйства (улучшеніе путей сообщенія, заведеніе новыхъ поселеній, устройство магазиновъ на случай неурожайныхъ годовъ). Но, какъ орудіе борьбы государствъ между собой, система кредита — остроумное изобрѣтеніе одного торговаго народа въ этомъ столѣтіи — при которой долги непомѣрно увеличиваются и все же остаются обезпеченными для настоящаго требованія (вѣдь не всѣ же кредиторы предъявятъ свои требованіи заразъ) — является опасной силой денегъ, именно фондомъ для веде-

[1]) Вотъ какъ отвѣтилъ одинъ болгарскій князь греческому императору, который добродушно хотѣлъ рѣшить ихъ распрю не пролитіемъ крови ихъ подданныхъ, а поединкомъ: «Кузнецъ у котораго есть клещи, не станетъ вытаскивать раскаленное желѣзо изъ углей руками».

нія войны. Этотъ фондъ, превосходя фонды всѣхъ другихъ народовъ, вмѣстѣ взятые, можетъ быть исчерпанъ лишь предстоящимъ паденіемъ цѣнъ (но, благодаря оживленію оборота, какъ результата обратнаго дѣйствія на промышленность и ремесло, это паденіе можетъ быть еще на долго задержано). Эта легкость веденія войны въ связи со склонностью къ ней власть имущихъ — эта склонность врождена, повидимому, роду человѣческому — есть, слѣдовательно, великое препятствіе къ вѣчному миру. Устраненіе этого препятствія должно тѣмъ болѣе быть прелиминарной статьей къ нему, что неизбѣжное, въ концѣ-концовъ, государственное банкротство необходимо вовлечетъ въ ущербъ и другія, неповинныя государства, что̀ было бы открытымъ правонарушеніемъ по отношенію къ этимъ послѣднимъ. Тѣмъ самымъ другія государства въ правѣ, по крайней мѣрѣ, соединяться между собой для противодѣйствія такому государству и его притязаніямъ.

5. *Ни одно государство не должно насильственно вмѣшиваться въ устройство и управленіе другого государства.*

Что можетъ дать ему право на это? Быть можетъ, соблазнъ, какимъ то государство является для подданныхъ другого государства? Но, напротивъ, оно можетъ служить предостереженіемъ, какъ примѣръ великихъ золъ, которыя навлекъ на себя народъ своимъ беззаконіемъ; да и вообще дурной примѣръ (какъ scandalum acceptum), который одна свободная личность подаетъ другой, не есть правонарушеніе по отношенію къ ней. Сюда, конечно, нельзя было бы отнести того случая, когда государство силой внутреннихъ неурядицъ распа-

дается на двѣ части, изъ которыхъ каждая представляетъ собой отдѣльное государство, предъявляющее притязаніе на цѣлое. Если постороннее государство окажетъ помощь одному изъ нихъ, то это не можетъ считаться за вмѣшательство въ устройство другого (вѣдь въ этомъ случаѣ—анархія). Но пока этотъ внутренній споръ еще не рѣшенъ, это вмѣшательство постороннихъ державъ было бы попраніемъ правъ независимаго отъ другого, лишь съ своей внутренней болѣзнью борящагося народа, являлось бы само, слѣдовательно, соблазномъ и создавало бы опасность для автономіи всѣхъ государствъ.

6. *Ни одно государство въ войнѣ съ другимъ не должно позволять себѣ такихъ враждебныхъ дѣйствій, которыя сдѣлаютъ невозможнымъ взаимное довѣріе при будущемъ мирѣ; сюда относятся: наемъ въ непріятельскомъ государствѣ убійцъ (percussores), отравителей (venefici), нарушеніе капитуляціи, подстрекательство къ измѣнѣ (perduellio).*

Эти военные пріемы безчестны. Вѣдь и во время войны должно остаться какое-либо довѣріе къ образу мыслей врага, потому что иначе нельзя было бы заключить никакого мира и враждебныя дѣйствія превратились бы въ истребительную войну (bellum internecinum); тогда какъ война есть печальное, лишь въ крайнемъ случаѣ допустимое, средство въ естественномъ состояніи (гдѣ не существуетъ никакого судебнаго мѣста, приговоръ котораго имѣлъ бы силу права) утверждать свое право силой; ни одна изъ враждующихъ сторонъ не можетъ быть, въ такомъ случаѣ, объявлена неправой (такъ какъ это предполагаетъ уже судебное

рѣшеніе), но исходъ войны (какъ въ такъ-называемомъ судѣ Божіемъ) рѣшаетъ, на чьей сторонѣ право; карательная же война (bellum punitivum) между государствами немыслима (такъ какъ между ними нѣтъ отношенія высшаго къ подчиненному). Изъ всего этого слѣдуетъ, что истребительная война, въ которой могутъ погибнуть сразу обѣ стороны, а вмѣстѣ съ ними и все право, могла бы дать мѣсто вѣчному миру лишь на великомъ кладбищѣ человѣчества. Итакъ, подобная война, тѣмъ самымъ пользованіе средствами, приводящими къ ней, должна быть безусловно воспрещена. А что названныя средства неизбѣжно приводятъ къ ней, явствуетъ изъ того, что эти адскіе пріемы, гнусные сами по себѣ, войдя въ употребленіе, не долго удерживаются въ предѣлахъ войны — это можно, пожалуй, утверждать о шпіонствѣ (uti exploratoribus), гдѣ пользуются лишь безчестностью другихъ (она не можетъ быть искоренена вполнѣ) — но переходятъ и въ мирное состояніе, совершенно уничтожая, такимъ образомъ, его цѣли.

*
* *

Хотя приведенные законы объективно, т.-е. по намѣренію имѣющихъ власть, суть безъ исключенія запретительные законы (leges prohibitivae), однако, нѣкоторые изъ нихъ относятся къ разряду строгихъ (leges strictae), имѣющихъ значеніе, несмотря ни на какія обстоятельства, и настаивающихъ на немедленномъ прекращеніи (какъ №№ 1, 5, 6); другіе же (какъ №№ 2, 3, 4), субъективно расширяясь для полномочія (leges latae) — не какъ исключенія, конечно, изъ правового правила, но силой об-

стоятельствъ по отношенію къ его выполненію — содержатъ въ себѣ дозволеніе отсрочить исполненіе; причемъ не нужно терять изъ виду цѣли, которая не дозволяетъ продленія отсрочки — возстановленія, напримѣръ, свободы государствъ, лишенныхъ ея по № 2 — до безконечности (ad calaendas graecas, какъ назначалъ обыкновенно Августъ), что было бы равносильно не возстановленію, но дозволяетъ замедленіе только для того, чтобы возстановленіе не было слишкомъ поспѣшнымъ и такимъ образомъ не шло бы вопреки самой цѣли. Вѣдь запрещеніе относится здѣсь лишь къ способу пріобрѣтенія, который впредь не долженъ имѣть силы, но не къ состоянію владѣнія, которое, хотя и не имѣетъ требуемаго правового основанія, однако, въ свое время (путативаго пріобрѣтенія) считалось, согласно тогдашнему общественному мнѣнію, правомѣрнымъ всѣми государствами [1]).

[1]) Не безъ основанія сомнѣвались до сихъ поръ въ томъ, могутъ ли существовать, кромѣ повелѣнія (leges praeceptivae) и запрещенія (leges prohibitivae), еще и дозволительные законы (leges permissivae) чистаго разума. Вѣдь законы вообще заключаютъ въ себѣ основаніе объективной и практической необходимости, а дозволеніе, основаніе практической случайности, извѣстныхъ дѣйствій. Изъ этого слѣдуетъ, что дозволительный законъ содержалъ бы принужденіе къ нѣкоторому дѣйствію, къ тому, къ чему никто принужденъ быть не можетъ; это было бы противорѣчіемъ, если бы объектъ закона въ обоихъ отношеніяхъ имѣлъ одно и то же значеніе. Но въ данномъ случаѣ предположенное запрещеніе въ дозволительномъ законѣ имѣетъ въ виду будущій способъ пріобрѣтенія права (напримѣръ, путемъ наслѣдованія), а освобожденіе отъ этого запрещенія, т.-е. дозволеніе — настоящее состояніе владѣнія. Это послѣднее при переходѣ изъ естественнаго состоянія въ гражданское можетъ, однако, продолжаться какъ хотя неправомѣрное, но все же добросовѣстное владѣніе (possessio putativa) въ силу дозволительнаго закона естественнаго права; хотя путативное владѣніе, какъ скоро оно признано таковымъ,

запрещено въ естественномъ состоянiи, точно также, какъ подобный способъ прiобрѣтенiя въ послѣдующемъ гражданскомъ (послѣ миновавшаго перехода); это полномочiе на продолжающееся владѣнiе не имѣло бы мѣста, если бы подобное мнимое прiобрѣтенiе произошло въ гражданскомъ состоянiи, такъ какъ это прiобрѣтенiе должно было бы, какъ правонарушенiе, прекратиться тотчасъ же по разоблаченiи его неправомѣрности.

Этимъ я хотѣлъ лишь мимоходомъ обратить вниманiе учителей естественнаго права на понятiе lex permissiva, которое само собой представляется систематически - расчленяющему разуму; тѣмъ болѣе, что этимъ понятiемъ часто пользуются въ гражданскихъ узаконенiяхъ (статуарныхъ) съ тѣмъ лишь различiемъ, что запретительный законъ формулированъ самъ по себѣ, дозволенiе же не внесено въ этотъ законъ въ качествѣ ограничивающаго условiя (какъ это должно было бы быть), а какъ бы брошено между исключенiями. Въ этомъ случаѣ онъ гласитъ такъ: это или то запрещено, напримѣръ, №№ 1, 2, 3 и т. д., и т. д., гдѣ дозволенiя привходятъ къ закону лишь случайно, не въ силу принципа, а лишь въ результатѣ подыскиванiя среди подходящихъ случаевъ; вѣдь въ противномъ случаѣ условiя должны были бы быть привнесены въ формулу запретительнаго закона, превращая его уже тѣмъ самымъ въ законъ дозволительный. Нужно пожалѣть поэтому, что имѣвшая въ виду именно послѣднее остроумная тема на премiю, предложенная столь же мудрымъ, сколь и проницательнымъ графомъ Виндишгретцъ, осталась невыполненной и такъ скоро забыта. Вѣдь возможность такой формулы (подобной математической) есть единственный настоящiй пробный камень законодательства, остающагося послѣдовательнымъ; безъ чего всякое такъ-называемое jus certum останется лишь благимъ пожеланiемъ. Въ противномъ случаѣ, мы будемъ имѣть лишь общiе (generale) законы (имѣющiе значенiе для многихъ случаевъ), а не универсальные (имѣющiе значенiе для всѣхъ случаевъ), какъ того требуетъ, повидимому, понятiе закона.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ,

содержащій дефинитивныя статьи къ вѣчному миру между государствами.

Состояніе мира между людьми, живущими по сосѣдству, не есть естественное состояніе (status naturalis); послѣднее, наоборотъ, есть состояніе войны, т.-е. если и не безпрерывныя враждебныя дѣйствія, то постоянная угроза ими. Слѣдовательно, состояніе мира должно быть установлено. Вѣдь прекращеніе военныхъ дѣйствій не есть еще гарантія отъ нихъ, и, если сосѣди не даютъ таковой другъ другу (что можетъ произойти лишь въ законномъ состояніи), то тотъ изъ нихъ, кто приглашалъ къ этому другого, можетъ обойтись съ этимъ послѣднимъ, какъ съ врагомъ [1]).

---

[1]) По общему мнѣнію, лишь по отношенію къ тому можно поступать враждебно, кто уже дѣломъ нарушилъ мое право, и это, конечно, вполнѣ вѣрно, если и тотъ, и другой находятся въ гражданственно-правовомъ состояніи. Вѣдь тѣмъ самымъ, что одинъ вступилъ въ это состояніе, онъ уже дастъ другому требуемую гарантію (при посредствѣ правительства, имѣющаго власть надъ обоими). Человѣкъ же (или народъ) въ совершенно естественномъ состояніи лишаетъ меня этой гарантіи и, живя рядомъ со мной, нарушаетъ мое право уже самимъ этимъ состояніемъ, если и не дѣломъ (facto), то все же беззаконностью своего состоянія (statu injusto). Этой беззаконностью онъ постоянно угрожаетъ мнѣ, и я могу принудить его или вступить вмѣстѣ со мной въ обще-законное состояніе, или же избавить меня отъ

Первая дефинитивная статья къ вѣчному миру.

Устройство каждаго государства должно быть республиканскимъ.

Устройство, установленное, во-первыхъ: по началамъ свободы членовъ общества (какъ людей), во-вторыхъ: по принципамъ зависимости всѣхъ (какъ подданныхъ) отъ единаго общаго законодательства и, въ-третьихъ: по закону равенства всѣхъ (какъ гражданъ) есть устройство республиканское [1]),

своего сосѣдства. Вотъ, слѣдовательно, постулатъ, лежащій въ основѣ слѣдующихъ статей: «всѣмъ людямъ, которые имѣютъ возможность взаимно влiять другъ на друга, слѣдуетъ принадлежать къ какому-либо гражданскому устройству».

Исчерпывающее дѣленіе правового устройства въ отношеніи лицъ, входящихъ въ его составъ, таково:

1) Устройство людей въ одномъ народѣ по государственному праву (jus civitatis).

2) Устройство государствъ въ ихъ отношеніи другъ къ другу по международному праву (jus gentium).

3) Устройство по космополитическому праву (jus cosmopoliticum), поскольку люди и государства, находясь между собой во внѣшнихъ, взаимно вліяющихъ отношеніяхъ, должны быть разсматриваемы, какъ граждане общечеловѣческаго государства. Это подраздѣленіе не произвольно; напротивъ, оно необходимо въ отношеніи идеи вѣчнаго мира. Вѣдь если бы хоть одинъ изъ нихъ (людей или государствъ), находясь въ отношеніи физическаго вліянія на другое, все же былъ бы въ естественномъ состояніи, то съ этимъ было бы связано состояніе войны, освободиться отъ котораго именно и является цѣлью въ настоящемъ случаѣ.

[1]) Правовая (т.-е. внѣшняя) свобода не можетъ быть опредѣлена, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, полномочіемъ дѣлать все, что угодно, если только не нарушать права другихъ. Вѣдь что значитъ полномочіе? Возможность дѣйствія, поскольку имъ не нарушаютъ ничьего права. Слѣдовательно, объясненіе гласило бы такъ: свобода есть возможность дѣйствій, которыми не нарушается ничьего права. «Не нарушаютъ ничьего права (что бы вамъ ни угодно было дѣлать), если только не нарушаютъ ничьего права»,—слѣдовательно, это пустая тавтоло-

единственное, проистекающее изъ идеи первоначальнаго договора, на которой должно быть основано всякое правовое законодательство народа. Это устройство, слѣдовательно, есть само по себѣ именно то, которое первоначально лежитъ въ основѣ всѣхъ видовъ гражданской конституціи; остается только вопросъ: является ли это устройство единственнымъ въ томъ отношеніи, что только оно можетъ привести къ вѣчному миру?

Чистый источникъ понятія права — вотъ гдѣ беретъ начало республиканское устройство. Но, кромѣ безупречности своего происхожденія, оно раскры-

---

гія. Напротивъ, мою внѣшнюю (правовую) свободу слѣдуетъ опредѣлять такъ: она есть полномочіе не повиноваться никакимъ внѣшнимъ законамъ, кромѣ тѣхъ, на которые я могъ дать свое согласіе. Точно также внѣшнее (правовое) равенство въ государствѣ есть такое отношеніе его гражданъ, по которому никто не можетъ юридически обязать къ чему-либо другого, самъ не подчиняясь въ то же время закону, требующему, чтобы и онъ съ своей стороны могъ быть обязанъ такимъ же путемъ. (Принципъ правовой зависимости не нуждается въ объясненіи, такъ какъ онъ заключается уже въ понятіи государственнаго устройства вообще). Значимость этихъ прирожденныхъ, необходимо присущихъ человѣчеству и неотчуждаемыхъ правъ подтверждается и возвышается принципомъ правовыхъ отношеній человѣка къ высшимъ существамъ (если онъ мыслитъ таковыхъ), такъ какъ по тѣмъ же принципамъ онъ представляетъ себя гражданиномъ сверхчувственнаго міра. Вѣдь что касается моей свободы, то даже по отношенію къ божественнымъ, познаваемымъ мною только разумомъ, законамъ я связанъ лишь постольку, поскольку я самъ могъ дать на нихъ свое согласіе (ибо лишь путемъ закона свободы своего разума я впервые составляю себѣ понятіе о божественной волѣ). Что касается принципа равенства по отношенію къ самому возвышенному существу, которое я только могъ бы себѣ представить, кромѣ Бога (напримѣръ, какого-нибудь великаго Эона), то нѣтъ никакого основанія, почему ему должно было бы принадлежать право повелѣвать, мнѣ же—

ваетъ перспективы желаннаго результата, именно вѣчнаго мира; основаніе этому слѣдующее.

Если (какъ это не можетъ быть иначе при подобномъ устройствѣ) для рѣшенія вопроса быть войнѣ или нѣтъ требуется согласіе гражданъ, то нѣтъ ничего естественнѣе, что они далеко не сразу рѣшатся начать столь скверную игру. Вѣдь всѣ тягости войны имъ пришлось бы взять на себя (такъ, напримѣръ: самимъ сражаться, оплачивать военныя издержки изъ своего собственнаго имущества, въ потѣ лица своего снова трудиться надъ опустошеніями, которыя оставляетъ за собой война, и къ довершенію всѣхъ бѣдствій навлечь на себя еще одно,

на моемъ посту, какъ тотъ Эонъ на своемъ. Богъ же есть единственное существо, для котораго не существуетъ понятія долга, что и есть основаніе неприложимости въ отношеніи къ нему принципа равенства (въ противоположность принципу свободы).

Что же касается права равенства всѣхъ гражданъ, какъ подданныхъ, то вопросъ о допустимости родового дворянства сводится къ слѣдующему: должно ли привилегированное положеніе (одного гражданина передъ другимъ), признаваемое государствомъ, предшествовать заслугамъ или наоборотъ? Но очевидно, что, если привилегированное положеніе связано съ рожденіемъ, то совершенно неизвѣстно, будутъ ли слѣдовать за нимъ и заслуги (знаніе своего дѣла и честность при его исполненіи); это равносильно, слѣдовательно, признанію его (привилегированнаго положенія повелителя) за первымъ попавшимся, безъ всякихъ заслугъ съ его стороны. Ибо человѣкъ благородной крови не есть тѣмъ самымъ благородный человѣкъ. Но подобнаго рѣшенія никогда не приметъ общая воля народа въ первоначальномъ договорѣ (которая есть, однако, принципъ всѣхъ правъ). Что же касается служилаго дворянства (какъ можно было бы назвать привилегированное положеніе высшей магистратуры, котораго нужно добиться заслугами), то привилегированное положеніе связано здѣсь не съ лицомъ, какъ его собственность, а съ должностью; равенство этимъ не затрагивается, такъ какъ когда лицо оставляетъ постъ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ лишается и привилегированнаго положенія и обратно возвращается къ народу.

отравляющее и самый миръ: никогда (вслѣдствіе всегда близкихъ новыхъ войнъ) не уничтожающееся бремя долговъ). Напротивъ, при устройствѣ, въ которомъ подданный не есть гражданинъ (слѣдовательно, при не республиканскомъ), этотъ вопросъ вызываетъ меньше сомнѣнія, чѣмъ что-либо другое. Вѣдь верховный глава здѣсь не членъ государства, а собственникъ его; война ничего не измѣнитъ къ худшему въ его пирахъ, охотахъ въ увеселительныхъ замкахъ, придворныхъ празднествахъ и т. п. и онъ можетъ, слѣдовательно, рѣшиться на нее, какъ на увеселительную прогулку, по самымъ незначительнымъ причинамъ, равнодушно предоставивъ всегда готовому къ этому дипломатическому корпусу подыскать ради приличія какое-нибудь оправданіе.

* * *

Для того, чтобы республиканское устройство не смѣшивалось (какъ это обыкновенно случается) съ демократическимъ, должно быть замѣчено слѣдующее. Формы государства (civitas) могутъ быть раздѣлены или по различію лицъ, обладающихъ верховной государственной властью, или по способу управленія народомъ его верховнаго главы, каковъ бы этотъ послѣдній ни былъ. Первая форма называется собственно формой властвованія (forma imperii) и возможны лишь три вида ея, а именно: суверенитетомъ обладаетъ или одно лицо, или группа людей, или же всѣ входящіе въ составъ гражданскаго общества (автократія [1]), аристократія, демократія; власть

[1]) Для объясненія слова автократія мы рѣшаемся привести слѣдующую выдержку изъ Канта: «Государственная форма есть или автократическая, или аристократическая, или демократическая. Пользоваться выраженіемъ монархическая форма, вмѣсто

князя, дворянства, народа). Вторая форма есть форма управленія (forma regiminis) и касается того способа, какимъ государство распоряжается полнотой своей власти; этотъ способъ основанъ на конституціи (на актѣ общей воли, благодаря которому толпа становится народомъ) и въ этомъ отношеніи форма управленія можетъ быть или республиканской, или деспотической. Республиканизмъ есть государственный принципъ отдѣленія исполнительной власти (правительства) отъ законодательной; деспотизмъ — принципъ самовластнаго исполненія государствомъ законовъ, данныхъ имъ же самимъ; тѣмъ самымъ есть публичная воля, поскольку правитель разсматриваетъ ее, какъ свою частную. Между тремя формами государства формадемократіи въ собственномъ смыслѣ слова необходимо является деспотизмомъ, такъ какъ она обусловливаетъ исполнительную власть, гдѣ всѣ рѣшаютъ объ одномъ и даже противъ одного (который, слѣдовательно, не согласенъ), тѣмъ самымъ всѣ, которые все же не всѣ,— что есть противорѣчіе общей воли себѣ самой и свободѣ.

Всякая непредставительная форма правленія есть собственно отсутствіе формы, такъ какъ законодатель и исполнитель его воли могутъ столь же мало совмѣститься въ одномъ лицѣ, сколь мало общее большей посылки въ силлогизмѣ можетъ

автократическая, не сообразно съ понятіемъ, которое хотятъ здѣсь выразить; монархъ есть тотъ, кто обладаетъ высшей властью, автократъ же или *самодержецъ* тотъ, кто обладаетъ всякой властью; автократъ — суверенъ, монархъ только представляетъ его» (repräsentirt ihn bloss). *Metaphysik der Sitten*, изданіе Kirchman'а, стр. 182. *Прим. пер.*

быть въ то же время подведеніемъ подъ большую посылку частнаго малой. И если два другихъ государственныхъ устройства (монархія и аристократія) всегда ошибочны уже постольку, поскольку они даютъ мѣсто подобному способу управленія, то все же для нихъ, по крайней мѣрѣ, есть возможность принять способъ управленія, сообразный съ духомъ представительной системы, какъ это выразилъ, по крайней мѣрѣ, Фридрихъ II, сказавъ, что онъ только высшій слуга государства [1]); тогда какъ демократическая форма, напротивъ, дѣлаетъ это невозможнымъ, такъ какъ въ ней все хочетъ властвовать. Поэтому можно сказать: чѣмъ меньше персоналъ государственной власти (число лицъ, обладающихъ властью) и чѣмъ шире, напротивъ, ея представительство, тѣмъ болѣе государственное устройство согласуется съ возможностью республиканизма, и для подобнаго устройства есть надежда, въ концѣ-концовъ, постепенными реформами возвыситься до него. На этомъ основаніи для аристократіи уже труднѣе, чѣмъ для монархіи, для демократіи же лишь путемъ насильственной революціи можно достигнуть этого единственно

[1]) Нерѣдко порицали тѣ высокіе эпитеты, которые часто прилагаются къ правителю (божій помазанникъ, исполнитель божественной воли на землѣ, намѣстникъ Бога), какъ грубую одуряющую лесть, но мнѣ кажется, безъ основанія. Эти эпитеты не только не должны внушать государю высокомѣрія, но, напротивъ, должны вызвать въ его душѣ смущеніе, если только онъ обладаетъ разсудкомъ (что слѣдуетъ, однако, предположить) и понимаетъ, что онъ взялъ на себя миссію, слишкомъ тяжелую для человѣка. Онъ взялся именно блюсти право людей (самое святое изъ того, чѣмъ Богъ обладаетъ на землѣ) и ему постоянно слѣдуетъ опасаться въ чемъ-либо оскорбить эту зеницу Господа.

ственнаго совершенно правового устройства Но для народа несравненно важнѣе способъ управленія [1]), чѣмъ форма государства (хотя и въ этой чрезвычайно важна ея большее или меньшее соотвѣтствіе съ той цѣлью). Но къ первому, если онъ долженъ быть сообразенъ понятію права, принадлежитъ представительная система, при которой только и возможенъ республиканскій способъ управленія и безъ которой (при какомъ-угодно устройствѣ) способъ управленія деспотиченъ и насильственъ. Ни одна изъ древнихъ такъ-называемыхъ республикъ не знала этой системы, вслѣдствіе чего онѣ необходимо должны были извратиться въ деспотизмъ, который подъ верховной властью одного есть еще наиболѣе терпимый.

---

[1]) Малле-дю-Паннъ съ обычнымъ для него претенціознымъ, но пустымъ и безсодержательнымъ фразерствомъ утверждаетъ, что послѣ многолѣтняго опыта онъ, въ концѣ-концовъ, пришелъ къ убѣжденію въ истинности извѣстнаго афоризма Попа: «Предоставь глупцамъ спорить о лучшемъ управленіи; лучшее есть то, которое лучше ведется». Если это должно значить только, что то управленіе, которое ведется лучше, то и ведется лучше, то, по выраженію Свифта, онъ раскусилъ орѣхъ, который наградилъ его червоточиной. Но если это должно означать, что оно есть и лучшій способъ управленія, т.-е. государственное устройство, то это въ корнѣ ложно; ибо примѣры хорошаго управленія ничего не доказываютъ относительно способа управленія. Кто управлялъ лучше, чѣмъ Титъ или Маркъ Аврелій, и все же за однимъ слѣдовалъ Домиціанъ, за другимъ—Коммодъ, чего не могло бы произойти при хорошемъ государственномъ устройствѣ, такъ какъ непригодность ихъ къ этому посту была извѣстна достаточно рано, да и власть государя была достаточно сильна для того, чтобы устранить ихъ.

Вторая дефинитивная статья къ вѣчному миру.

Международное право должно быть основано на федерализмѣ свободныхъ государствъ.

Народы, въ формѣ государствъ, могутъ быть разсматриваемы, какъ единичные люди; подобно имъ, они въ естественномъ состояніи (т.-е. въ независимости отъ внѣшнихъ законовъ) уже своимъ совмѣстнымъ существованіемъ нарушаютъ право другъ друга и каждый изъ нихъ въ цѣляхъ своей личной безопасности можетъ и долженъ требовать отъ другого вступленія вмѣстѣ съ нимъ въ устройство, подобное гражданскому, гдѣ каждому можетъ быть обезпечено его право. Это былъ бы союзъ народовъ, который, однако же, не долженъ былъ бы быть государствомъ народовъ. Въ этомъ было бы противорѣчіе, ибо всякое государство содержитъ въ себѣ отношеніе высшаго (законодателя) къ низшему (повинующемуся, народу). Многіе же народы въ государствѣ (такъ какъ мы здѣсь должны разсматривать право народовъ другъ къ другу, поскольку они образуютъ отдѣльныя государства и не должны быть слиты въ одно государство) всегда образовывали бы лишь народъ, что противорѣчитъ предположенію.

Уже изъ того, что мы съ глубокимъ презрѣніемъ смотримъ на приверженность дикарей къ ихъ беззаконной свободѣ, когда они предпочитаютъ безпрестанно бороться другъ съ другомъ, чѣмъ подчиниться законному, ими же самими организованному принужденію, тѣмъ самымъ безразсудную свободу предпочитая свободѣ разумной, и считаемъ это гру-

бостью, невѣжествомъ и скотскимъ униженіемъ человѣчества,—должно было бы заключить, что культурные народы (каждый самъ по себѣ объединенный въ государство) поспѣшатъ, какъ можно скорѣе, выйти изъ столь гнуснаго состоянія. Но, напротивъ, вмѣсто этого каждое государство видитъ свое величіе (вѣдь величіе народа есть нелѣпое выраженіе) именно въ томъ, чтобы не быть подчиненнымъ никакому внѣшнему законному принужденію, а слава верховнаго главы государства состоитъ въ томъ, что въ его распоряженіи находятся тысячи людей, которыми онъ, не подвергаясь лично никакой опасности, можетъ жертвовать для дѣла, не имѣющаго къ этимъ людямъ никакого отношенія. И различіе европейскихъ дикарей отъ американскихъ состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что, въ то время, какъ многія племена послѣднихъ цѣликомъ пожраны ихъ врагами, первыя умѣютъ лучше использовать своихъ побѣжденныхъ, чѣмъ только съѣдать ихъ, и предпочитаютъ увеличивать ими число своихъ подданныхъ и тѣмъ самымъ количество орудій для войны въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ.

При порочности человѣческой природы, порочности, которая въ своемъ настоящемъ видѣ проявляется въ свободныхъ отношеніяхъ государствъ (въ то время, какъ въ гражданственно-законномъ состояніи она очень замаскирована, благодаря принужденію правительства), нужно очень удивляться тому, что слово «право» не вполнѣ еще изгнано изъ политики войнъ, какъ педантичное, и что ни одно государство еще не рѣшилось публично высказаться за это послѣднее мнѣніе. Вѣдь Гуго Гроцій, Пуффендорфъ, Вателль и мн. др. (въ этихъ именахъ

мало утѣшительнаго), хотя ихъ философски и дипломатически написанный кодексъ не имѣетъ ни малѣйшей законной силы, да и не можетъ имѣть (такъ какъ государства, какъ таковыя, не находятся подъ общимъ внѣшнимъ принужденіемъ), все еще чистосердечно приводятся для оправданія нападеній, хотя не было еще примѣра, чтобы аргументами, снабженными свидѣтельствами столь важныхъ мужей, какое либо государство было склонено отказаться отъ своего предпріятія. Это почитаніе, которое (на словахъ, по крайней мѣрѣ) оказываетъ каждое государство понятію права, доказываетъ, однако, что въ человѣкѣ есть еще великая, хотя временами и дремлющая моральная склонность къ тому, чтобы стать когда-нибудь господиномъ надъ злымъ принципомъ въ себѣ (отрицать чего онъ не можетъ) и чтобы ждать того же отъ другихъ. Вѣдь иначе никогда въ устахъ государствъ, намѣревающихся воевать другъ съ другомъ, не было бы слова «право», развѣ только для того, чтобы предать его осмѣянію, какъ это сдѣлалъ тотъ гальскій князь, который опредѣлилъ его такъ: «Право есть преимущество, которымъ природа надѣлила сильнаго передъ слабымъ, для того, чтобы слабый былъ обязанъ повиноваться ему».

Тотъ способъ, какимъ государства добиваются своихъ правъ, никогда не можетъ быть процессомъ, какъ во внѣшнемъ судебномъ мѣстѣ, а лишь войной, которой, какъ и счастливымъ исходомъ ея—побѣдой, не рѣшается вопроса о правѣ и мирный договоръ кладетъ конецъ настоящей войнѣ по не военному состоянію (т.-е. такое состояніе, гдѣ всегда находятъ предлогъ къ новой войнѣ; это состояніе

нельзя безъ оговорокъ объявить неправымъ, такъ какъ въ немъ каждый является судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ); причемъ, однако, для государствъ по международному праву положеніе: «они должны выйти изъ этого состоянія» не имѣетъ значимости, каковой она обладаетъ для людей въ беззаконномъ состояніи по естественному праву (такъ какъ они, какъ государства, располагаютъ уже внутреннимъ правовымъ устройствомъ и стали, слѣдовательно, выше того, чтобы другія государства по своимъ правовымъ понятіямъ принуждали ихъ принять болѣе широкое законное устройство). Но здѣсь разумъ съ высоты престола высшей морально законодательствующей власти безусловно осуждаетъ войну, какъ способъ добиться своего права, и, напротивъ, вмѣняетъ въ непосредственный долгъ мирное состояніе, каковое, однако, не можетъ быть ни установлено, ни обезпечено безъ договора народовъ между собой. Поэтому долженъ существовать своеобразный союзъ, который можно назвать союзомъ мира (foedus pacificum) и который тѣмъ отличался бы отъ мирнаго договора (pactum pacis), что этотъ послѣдній стремится положить конецъ лишь одной войнѣ, первый же всѣмъ войнамъ вообще и навсегда. Этотъ союзъ имѣетъ цѣлью не пріобрѣтеніе власти государства, но единственно лишь поддержаніе и обезпеченіе свободы каждаго государства для него самого и въ то же время для другихъ, объединенныхъ государствъ; причемъ это, однако, не создаетъ необходимости для нихъ подчиниться (подобно людямъ въ естественномъ состояніи) публичнымъ законамъ и ихъ принужденію. Можно показать выполнимость (объективную реальность) этой идеи

федераціи, которая должна охватить постепенно всѣ государства и приводить такимъ путемъ къ вѣчному миру. Вѣдь если бы, по волѣ судебъ, какой-либо могучій и просвѣщенный народъ имѣлъ возможность образовать у себя республику (которая по своей природѣ должна тяготѣть къ вѣчному миру), то такая республика явилась бы центромъ для федеративнаго объединенія другихъ государствъ, которыя примкнули бы къ ней, чтобы обезпечить, такимъ образомъ, сообразно идеѣ международнаго права, свою свободу, и путемъ многихъ такихъ присоединеній все шире и шире раздвигались бы границы союза.

Если одинъ народъ заявляетъ: «Между нами не должно быть войны, такъ какъ мы хотимъ сформироваться въ государство, т.-е. поставить надъ собой высшую законодательную, правительственную и судебную власть, которая мирнымъ путемъ улаживала бы споры между нами», то это вполнѣ понятно. Но если это государство заявляетъ «Между мной и другими государствами не должно быть войны, хотя я и не признаю никакой высшей законодательной власти, которая обезпечивала бы мнѣ мои права, а я ей — ея права», то совершенно непонятно, на чемъ же я хочу тогда основать увѣренность въ своемъ правѣ, если не на суррогатѣ гражданскаго союза обществъ, а именно на свободномъ федерализмѣ, который разумъ долженъ необходимо связать съ понятіемъ международнаго права, если вообще это послѣднее должно имѣть какой-либо смыслъ.

Въ понятіи международнаго права, какъ права на войну, нельзя, собственно говоря, ничего мы-

слить (ибо это должно быть правомъ не по общезначимымъ внѣшнимъ законамъ, ограничивающимъ волю каждаго, а по одностороннимъ максимамъ каждаго рѣшать вопросъ о правѣ силой), развѣ только если понимать подъ иимъ слѣдующее: вполнѣ справедливо, если люди такъ настроенные истребляютъ другъ друга и находятъ, слѣдовательно, вѣчный миръ въ глубокой могилѣ, прикрывающей всѣ ужасы насилія вмѣстѣ съ ихъ виновниками. Согласно разуму для государствъ въ ихъ отношеніяхъ между собою не можетъ существовать никакого другого пути выйти изъ естественнаго состоянія постоянной войны, какъ отрѣчься, подобно единичнымъ людямъ, отъ своей дикой (беззаконной) свободы, приспособиться къ публичнымъ принудительнымъ законамъ и образовать такимъ путемъ (конечно, постоянно расширяющееся) государство народовъ (civitas gentium), которое, въ концѣ-концовъ, охватитъ всѣ народы земли. Но такъ какъ согласно своей идеѣ международнаго права они безусловно не хотятъ этого, отвергая, тѣмъ самымъ, in hipothesi, то, что вѣрно въ thesi, то, вмѣсто положительной идеи мировой республики (если не все должно быть потеряно), лишь отрицательный суррогатъ устраняющаго войны, длящагося и постояннаго расширяющагося союза можетъ сдержать потокъ противоправовыхъ враждебныхъ склонностей, съ постоянной, однако, опасностью ихъ проявленія (Furor impius intus — fremit horridus ore cruento. Virgil) [1].

[1]) Не было бы, конечно, неумѣстнымъ, если бы по окончаніи войны при заключеніи мира для народа послѣ торжественнаго празднества былъ назначенъ день покаянія для того, чтобы отъ имени государства взывать къ небу о прощеніи того вели-

Третья дефинитивная статья къ вѣчному миру.

Всемірное право гражданства должно быть ограничено условіями всеобщаго гостепріимства.

Какъ въ предыдущихъ статьяхъ, такъ и здѣсь, рѣчь идетъ не о филантропіи, а о правѣ, и слово гостепріимство означаетъ здѣсь право каждаго иностранца на то, чтобы тотъ, въ чью землю онъ прибылъ, не обращался съ нимъ по этому случаю какъ съ врагомъ. Онъ можетъ удалить его изъ своей страны, если это не сопряжено съ его гибелью, но пока этотъ иностранецъ мирно живетъ тамъ, онъ не долженъ обходиться съ нимъ, какъ съ врагомъ. Право, на которое можетъ претендовать каждый иностранецъ, не есть право быть гостемъ (для какой цѣли былъ бы необходимъ особый дружескій договоръ, который дѣлалъ бы его на опредѣленное время членомъ дома), но лишь право посѣщенія, состоящее въ предложеніи своего сообщества. Это право принадлежитъ всѣмъ людямъ въ силу права общаго владѣнія земной поверхностью, на которой,

каго прегрѣшенія, въ которомъ все еще повинно человѣчество, не желая присоединиться по отношенію къ другимъ народамъ ни къ какому законному устройству, но предпочитая, гордое своей независимостью, пользоваться варварскими средствами войны (чѣмъ все же не достигается то, чего добиваются, а именно права каждаго государства). Торжественныя празднества во время войны по случаю одержанной побѣды, гимны, воспѣваемые (подобно народу Израиля) Богу воинствъ, находятся въ неменѣе сильномъ противорѣчіи съ моральной идеей Отца всѣхъ людей, такъ какъ, кромѣ равнодушія къ тому способу, какимъ народы добиваются своихъ правъ (который достаточно печаленъ), они привносятъ радость по поводу истребленія достаточнаго количества людей или уничтоженія ихъ счастья.

какъ на поверхности шара, люди не могутъ разсѣяться до безконечности, но, въ концѣ-концовъ, должны терпѣть сосѣдство другихъ; вначалѣ же никто не имѣетъ болѣе права, чѣмъ другой, на существованіе въ данномъ мѣстѣ земли. Море и пустыни, необитаемыя части этой поверхности, разобщаютъ людей; однако, съ помощью корабля или верблюда (корабля пустыни) они имѣютъ возможность приблизиться другъ къ другу черезъ эти, никому не принадлежащія, области и использовать для возможнаго общенія то право на земную поверхность, которое принадлежитъ всему человѣчеству сообща. Противно, слѣдовательно, естественному праву негостепріимство жителей морскихъ береговъ (напримѣръ, варварійскихъ государствъ), которые грабятъ суда въ ближайшихъ моряхъ и обращаютъ въ рабство моряковъ, потерпѣвшихъ крушеніе у ихъ береговъ, или жителей пустынь (арабскихъ бедуиновъ), разсматривающихъ приближеніе путниковъ къ номадскимъ племенамъ, какъ право на ихъ ограбленіе. Но это право на гостепріимство, т.-е. полномочіе чужого пришельца, простирается лишь на условія возможности завязать сношенія съ коренными жителями. Такимъ образомъ отдаленныя части свѣта могутъ войти другъ съ другомъ въ мирныя сношенія, которыя впослѣдствіи могутъ превратиться въ публично-законныя и такимъ путемъ все болѣе и болѣе приближать человѣчество къ космополитическому устройству.

Если сравнить съ этимъ негостепріимное поведеніе культурныхъ, преимущественно торговыхъ, государствъ нашей части свѣта, то несправедливость, проявляемая ими при посѣщеніи чужихъ

странъ и народовъ (что для нихъ равносильно ихъ порабощенію), окажется чудовищной. Америка, страна негровъ, острова пряностей, Капъ и т. д. были для нихъ при ихъ открытіи странами, никому не принадлежащими: жителей они не ставили ни во что. Въ Остъ-Индію (Индустанъ) они, подъ предлогомъ исключительно торговыхъ цѣлей, ввезли чужія войска, и вслѣдъ за тѣмъ началось угнетеніе туземцевъ, подстрекательство различныхъ туземныхъ государствъ къ жестокимъ войнамъ, голодъ, мятежи, вѣроломство, — словомъ, весь длинный рядъ бѣдствій, тяготѣющихъ надъ человѣчествомъ.

Китай [1]) и Японія, сдѣлавшіе опытъ съ подобными гостями, поступили поэтому вполнѣ разумно, позволивъ имъ лишь въѣздъ въ нѣкоторые порты, но не во внутренность страны, причемъ Японія и это разрѣшила изъ всѣхъ европейскихъ народовъ лишь однимъ голландцамъ. Но и Китай, и Японія исключали ихъ, однако, какъ плѣнныхъ, изъ всякаго общенія съ туземцами. Худшее во всемъ этомъ (или, разсматривая съ точки зрѣнія моральнаго судьи, лучшее) заключается въ томъ, что это насиліе не принесло имъ никакой выгоды, что всѣ эти торговыя товарищества находятся на краю гибели, что острова сахарнаго тростника — это средоточіе самаго жестокаго и изысканнаго рабства — не приносятъ никакого дѣйствительнаго дохода. Единственная цѣль, которой косвенно служатъ эти острова, едва ли заслуживаетъ одобренія. Они именно служатъ для сформированія экипажей воен-

[1]) Здѣсь мы рѣшаемся выпустить Кантовское примѣчаніе, какъ не имѣющее прямого отношенія къ тексту. *Прим. перев.*

ныхъ флотовъ и тѣмъ самымъ для веденія войнъ въ Европѣ. Все это продѣлываютъ державы, которыя такъ высоко ставятъ дѣло благочестія и которыя, дыша неправедливостью, какъ воздухомъ, желаютъ считаться единственно правовѣрными.

Всюду взявшее перевѣсъ (болѣе или менѣе тѣсное) общеніе между народами земли развилось настолько, что нарушеніе права въ одномъ мѣстѣ чувствуется во всѣхъ другихъ. Изъ этого видно, что идея всемірнаго гражданства не есть фантастическое и преувеличенное представленіе права, но необходимое восполненіе неписаннаго кодекса какъ государственнаго, такъ и международнаго права къ публичному праву человѣчества вообще и такимъ образомъ къ вѣчному миру, и только подъ этимъ условіемъ можно льстить себя надеждой, что мы постоянно приближаемся къ нему.

ПЕРВОЕ ДОБАВЛЕНІЕ.

О гарантіи вѣчнаго мира.

Эту гарантію даетъ сама, великая въ своемъ искусствѣ, природа (natura daedala rerum), въ механическомъ процессѣ которой съ очевидностью обнаруживается цѣлесообразное стремленіе произвести путемъ разногласія людей согласіе даже противъ ихъ воли. Поэтому природа, какъ принужденіе причины, неизвѣстной намъ по законамъ своего дѣйствія, называется судьбой; при разсмотрѣніи же ея цѣлесообразности въ ходѣ міровыхъ событій, какъ глубоко-скрытая мудрость высшей причины, направленной на объективную конечную цѣль человѣческаго рода и предопредѣляющей этотъ ходъ міровыхъ событій, она называется Провидѣніемъ [1]).

[1]) Въ механизмѣ природы, къ которой принадлежитъ человѣкъ (какъ чувственное существо), обнаруживается, лежащая уже въ основѣ ея существованія, форма, которую мы можемъ понять не иначе, какъ приписывая ей цѣль Создателя міра, предопредѣляющаго ее; Его предопредѣленіе мы называемъ (божественнымъ) Провидѣніемъ вообще. Провидѣніе, поскольку оно полагается въ началѣ міра, называется основывающимъ (providentia conditrix; semel iussit, semper parent, Августинъ); поскольку же Оно въ процессѣ природы поддерживаетъ его по общимъ законамъ цѣлесообразности, мы называемъ Его управляющимъ Провидѣніемъ (providentia gubernatrix); далѣе, по отношенію къ особымъ цѣлямъ, которыхъ человѣкъ не предвидитъ, но о которыхъ только догадывается по послѣдствіямъ, мы называемъ руководящимъ (providentia directrix); наконецъ, по отношенію къ

Чтобы составить себѣ понятіе о возможности Провидѣнія по аналогіи съ искусной дѣятельностью человѣка, мы собственно можемъ и должны только мысленно привносить Его (какъ во всѣхъ отношеніяхъ формы вещей къ цѣлямъ вообще), но не познавать на этомъ искусномъ порядкѣ природы или хотя бы только заключать къ Нему отъ этого порядка. Но представить себѣ отношеніе Провидѣнія и согласованіе Его съ цѣлью (моральной), которую намъ

отдѣльнымъ событіямъ, какъ божественнымъ цѣлямъ, мы не называемъ больше Провидѣніемъ, но Перстомъ Божіимъ (directio extraordinaria); желаніе же познать послѣдній, какъ таковой (такъ какъ Онъ, собственно говоря, указываетъ на чудо, хотя событія такъ не называются), есть безразсудная дерзость человѣка, потому что заключать отъ отдѣльныхъ событій къ особому принципу дѣйствующей причины (заключать, что это событіе цѣль, а не только естественно-механическое слѣдствіе изъ другой, намъ совершенно неизвѣстной цѣли) нелѣпо и слишкомъ самонадѣянно, какъ бы благочестиво и смиренно ни звучали рѣчи объ этомъ. Точно такъ же подраздѣленіе Провидѣнія (разсматриваемаго со стороны матеріи) на основаніи того, какъ оно относится къ предметамъ въ мірѣ, на общее и частное—лживо и внутренно противорѣчиво (такъ, напримѣръ: что оно проявляетъ, конечно, попеченіе для сохраненія родовъ твореній, индивидуумовъ же предоставляетъ случаю); вѣдь Оно именно съ той цѣлью называется общимъ, чтобы ни одна единичная вещь не мыслилась бы изъятой изъ сферы Его дѣйствія. Вѣроятно, тутъ имѣлось въ виду дѣленіе Провидѣнія (разсматривемаго со стороны формы) по способу выполненія своей цѣли, именно: на обычное (напримѣръ: ежегодная смерть и оживаніе природы, сообразно со смѣной временъ года) и на необычайное (напримѣръ: доставленіе морскими теченіями берегамъ Ледовитаго океана лѣса, который не можетъ расти въ этихъ мѣстахъ, но который необходимъ туземцамъ для поддержанія ихъ жизни), гдѣ мы хотя и хорошо можемъ объяснить себѣ физико-механическія причины этихъ явленій (объяснить, напримѣръ, поросшими лѣсомъ берегами рѣкъ умѣреннаго пояса, въ которыя падаютъ деревья, а далѣе, быть можетъ, уноситъ эти деревья Гольфштремъ), однако, мы не должны упускать изъ вида телеологической причины, которая указываетъ на попеченіе мудрости, повелѣвающей природѣ. Что

непосредственно предписываетъ разумъ – есть идея, которая, конечно, въ теоретическомъ отношеніи чрезмѣрна, но въ практическомъ (напримѣръ), по отношенію къ понятію долга о вѣчномъ мирѣ, чтобы использовать этотъ механизмъ природы) догматична и по своей реальности достаточно обоснована. Употреблять слово природа, если, какъ здѣсь, дѣло идетъ только о теоріи (не о религіи) сообразнѣе съ предѣлами человѣческаго разума (который долженъ

же касается обычнаго въ школахъ понятія божественнаго вмѣшательства или содѣйствія (concursus) дѣйствію въ чувственномъ мірѣ, то оно должно быть отвергнуто. Во-первыхъ, хотѣть соединять неоднородное (griphes jungere equis) и заставлять Того, Кто самъ совершенная причина міровыхъ измѣненій, восполнять свое собственное предопредѣляющее Провидѣніе (которое, слѣдовательно, должно было бы быть недостаточнымъ) въ ходѣ міровыхъ событій, утверждать, напримѣръ, что больного вмѣстѣ съ Богомъ исцѣлилъ врачь, который, слѣдовательно, содѣйствовалъ исцѣленію—внутренно противорѣчиво. Вѣдь causa solitaria non juvat. Богъ есть Создатель врача вмѣстѣ со всѣми его лѣчебными средствами и поэтому Ему должно быть приписано вполнѣ все дѣйствіе, если уже хотятъ подняться до высочайшей Первоосновы, теоретически намъ непонятной; или можно его приписать вполнѣ врачу, поскольку мы прослѣживаемъ это событіе въ цѣпи міровыхъ причинъ, какъ объяснимое по порядку природы. Во-вторыхъ, такой образъ мысли лишаетъ силы всѣ опредѣленные принципы обсужденія дѣйствія. Но въ морально-практическомъ отношеніи (которое, слѣдовательно, направлено всецѣло на сверхъчувственное), напримѣръ: въ вѣрѣ, что Богъ, хотя бы и непонятными для насъ средствами, восполнитъ недостатокъ нашей собственной несправедливости, если только наше стремленіе было чисто (мы не должны, слѣдовательно, ничѣмъ пренебрегать въ стремленіяхъ къ добру), понятіе божественнаго Concursus'а является вполнѣ сообразнымъ и даже необходимымъ; причемъ, однако, само собой разумѣется, что никто не долженъ пытаться объяснять, исходя изъ этого, хорошій поступокъ (какъ событіе въ мірѣ), – это будетъ мнимо теоретическимъ познаніемъ сверхъ-чувственнаго, слѣдовательно, нелѣпостью.

держаться въ отношеніи дѣйствій къ ихъ причинамъ въ границахъ возможнаго опыта) и скромнѣе, чѣмъ говорить о познаваемомъ для насъ Провидѣніи; такимъ выраженіемъ дерзко придаютъ себѣ крылья Икара, чтобы на нихъ приблизиться къ тайнѣ Его неисповѣдимыхъ судебъ.

Прежде, чѣмъ мы ближе опредѣлимъ, какъ природа даетъ эту гарантію, необходимо изслѣдовать состояніе, установленное природой для лицъ, дѣйствующихъ на ея великой сценѣ, то состояніе, которое дѣлаетъ необходимымъ, въ концѣ-концовъ, гарантію мира съ ея стороны, и лишь затѣмъ мы разсмотримъ способъ, какимъ природа даетъ эту гарантію.

Предварительное установленіе природы состоитъ въ слѣдующемъ: 1) она позаботилась о томъ, чтобы люди имѣли возможность жить во всѣхъ странахъ земли, 2) войной она разсѣяла людей повсюду, даже въ самыя негостепріимныя страны, чтобы заселить ихъ, 3) войною же она принудила людей вступать въ болѣе или менѣе законныя отношенія. Достойно удивленія уже то обстоятельство, что въ холодныхъ пустыняхъ у Ледовитаго океана все же растетъ мохъ, выкапываемый изъ-подъ снѣга оленемъ, который самъ въ свою очередь доставляетъ пищу или служитъ упряжнымъ животнымъ остякамъ или самоѣдамъ; или то, что въ солончаковыхъ пустыняхъ водится верблюдъ, который какъ бы созданъ для путешествія по нимъ для того, чтобы и онѣ не остались неиспользованными. Еще болѣе ясно обнаружится цѣль природы, если принять во вниманіе, что на берегу Ледовитаго океана, кромѣ пушныхъ звѣрей, водятся еще тюлени, моржи и

киты, мясо которыхъ туземцы употребляютъ въ пищу, а жиромъ пользуются для отопленія. Но болѣе всего возбуждаетъ удивленіе предусмотрительность природы тѣмъ, что она доставляетъ этимъ странамъ, лишеннымъ растительности, пловучій лѣсъ (причемъ даже неизвѣстно откуда онъ), безъ каковаго матеріала туземцы не могли бы приготовлять ни судовъ, ни оружія, ни жилищъ. Въ этихъ странахъ борьба со звѣрями даетъ людямъ достаточно дѣла, чтобы между собою они жили въ мирѣ. Но война, по всей вѣроятности, была тѣмъ, что загнало ихъ сюда. Изъ всѣхъ животныхъ, которыхъ человѣкъ научился приручать и дѣлать домашними во время заселенія земли, лошадь въ его рукахъ была первымъ орудіемъ войны; слонъ же принадлежитъ къ болѣе позднему времени, именно ко времени роскоши уже учрежденныхъ государствъ, какъ и искусство выращивать извѣстные сорты травъ (такъ-называемые злаки), первоначальныя свойства которыхъ намъ теперь неизвѣстны, точно также разведеніе и облагораживаніе плодовъ пересадкой и прививкой (въ Европѣ можетъ быть только двухъ сортовъ—яблони и груши) могло возникнуть только уже въ состояніи государственности, гдѣ обезпечена недвижимая частная собственность. Передъ тѣмъ люди въ беззаконной свободѣ отъ охотничьяго [1]), рыболовнаго и пастушескаго

[1]) Изъ всѣхъ формъ быта охотничій бытъ, безъ сомнѣнія, наиболѣе противорѣчитъ культурному устройству; семьи, которымъ приходится тутъ жить разъединенно, скоро дѣлаются другъ другу чуждыми и, разсѣявшись по пространнымъ лѣсамъ, даже враждебными, такъ какъ каждому семейству для пріобрѣтенія себѣ пищи и одежды нужны большія пространства земли. Запрещеніе Ноемъ крови (I. Мѳ. IX,4 — 6) (это запре-

быта перешли къ земледѣльческому, причемъ были открыты соль и желѣзо, быть можетъ, первые всюду находившіе спросъ предметы торговаго оборота между различными народами; благодаря чему возникли сначала мирныя отношенія между ними и такимъ образомъ установилось согласіе, общеніе и мирныя отношенія между болѣе отдаленными другъ отъ друга народами.

Природа, позаботившись о томъ, чтобы люди могли жить повсемѣстно на землѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ деспотически захотѣла, чтобы они должны были жить повсюду, хотя бы противъ ихъ склонности; однако же, это долженствованіе не предполагаетъ въ то же время понятія долга, которое обязывало бы людей къ этому моральнымъ закономъ, но войну природа выбрала средствомъ для достиженія своей цѣли. Мы видимъ народы, которые единствомъ своего языка указываютъ на единство своего происхожденія, напримѣръ: съ одной стороны самоѣды у Ледовитаго океана, а съ другой, съ родственнымъ языкомъ, народъ на Алтайскихъ горахъ, отдаленный отъ первыхъ на двѣсти миль; между ними протиснулся другой народъ монгольскаго происхожденія, кочевой и вмѣстѣ съ тѣмъ воинственный, оттѣснивъ такимъ образомъ одну часть ихъ племени далеко отъ другой въ негостепріимныя сѣверныя страны, гдѣ они не

щеніе часто возобновлялось впослѣдствіи и было даже, хотя и съ другой цѣлью, поставлено условіемъ христіанами изъ іудеевъ новообращеннымъ христіанамъ изъ язычниковъ (Дѣян. Апост. XV, 20. XX, 25), кажется, было первоначально ничѣмъ инымъ, какъ запрещеніемъ охотничьяго быта; вѣдь при немъ часто приходится ѣсть мясо сырымъ, и запрещеніе этого, слѣдовательно есть въ то же время запрещеніе охотничьяго быта.

поселились бы, конечно, по собственной склонности [1]). Точно такъ же финны (извѣстные подъ именемъ лопарей) въ самой сѣверной странѣ Европы отдѣлены отъ венгерцевъ—отдаленныхъ отъ нихъ на столько значительное разстояніе, но родственныхъ съ ними по языку — вторгнувшимися между ними готскими и сарматскими народами. И что, кромѣ войны, которой природа пользуется, какъ средствомъ для повсемѣстнаго заселенія земли, могло загнать эскимосовъ (быть можетъ, бродячее древне-европейское племя, которое совершенно отлично отъ всѣхъ американскихъ племенъ) на сѣверъ, а пешересовъ на югъ Америки до Огненной земли? Для самой же войны не нужно особыхъ побудительныхъ основапій; она привита, повидимому, человѣческой природѣ и видимо считается даже чѣмъ-то благороднымъ, къ чему человѣкъ воодушевляется по побужденіямъ чести, безъ мотивовъ собственной выгоды. Эго ведетъ къ тому, что военная доблесть непосредственно оцѣнивается чрезвычайно высоко (у американскихъ дикарей, равно какъ у европейскихъ во времена рыцарства) не только

---

1) Можно было бы спросить: если природа захотѣла, чтобы эти берега Ледовитаго океана не остались необитаемыми, то, что будетъ съ ихъ жителями, когда она не будетъ имъ болѣе доставлять (какъ можно ожидать) пловучаго лѣса? Вѣдь весьма вѣроятно, что съ успѣхами культуры обитатели умѣреннаго пояса земли будутъ лучше пользоваться лѣсомъ, который растетъ на берегахъ ихъ рѣкъ; они не будутъ допускать, чтобы онъ падалъ въ рѣки и такимъ путемъ уплывалъ въ море. Я отвѣчаю: обитатели Оби, Енисея, Лены и т. д. будутъ доставлять имъ этотъ лѣсъ торговлей и вымѣнивать на него продукты животнаго царства, чѣмъ такъ богато море у береговъ Ледовитаго океана, если только она (природа) заставитъ сначала эти племена жить въ мирѣ.

какъ элементъ настоящей войны (что справедливо), но также какъ сила, вызывающая войну, и часто война начиналась только для того, чтобы выказать эту доблесть; слѣдовательно, войнѣ самой по себѣ приписывается внутреннее достоинство, такъ что даже сами философы восхваляютъ войну, облагораживающую, по ихъ мнѣнію, человѣчество, забывъ извѣстное изреченіе грека: «Война дурна тѣмъ, что болѣе создаетъ злыхъ людей, чѣмъ уничтожаетъ ихъ». Вотъ и все о томъ, что дѣлаетъ природа для своей собственной цѣли по отношенію къ человѣческому роду, какъ классу животныхъ.

Теперь предстоитъ вопросъ, касающійся существеннаго въ вѣчномъ мирѣ, какъ цѣли. Вопросъ этотъ слѣдующій: что дѣлаетъ для этого природа по отношенію къ цѣли, которую человѣку вмѣняетъ въ долгъ его собственный разумъ тѣмъ самымъ для содѣйствія его моральной цѣли, и какъ она гарантируетъ, что обезпечено сдѣдующее: благодаря ея принужденію, необходимо, хотя и не во вредъ своей свободѣ, человѣкъ сдѣлаетъ (а именно во всѣхъ трехъ отношеніяхъ публичнаго права, государственнаго, международнаго и космополитическаго права) то, что онъ долженъ былъ бы дѣлать по закопамъ свободы, но чего, однако, не дѣлаетъ? Когда я говорю о природѣ: она хочетъ, чтобы произошло то или другое, то это не значитъ, что она возлагаетъ на насъ долгъ дѣлать что-либо (такъ такъ это можетъ сдѣлать только свободный отъ принужденія практическій разумъ), но дѣлаетъ это сама, хотимъ мы или нѣтъ (fata volentem ducunt, nolentem trahunt).

1) Если даже внутренніе раздоры не принудятъ народъ подчиниться принужденію публичныхъ законовъ, то все же война извнѣ сдѣлаетъ это потому что, по вышеупомянутому установленію природы, каждый народъ находитъ въ сосѣдствѣ съ собою тѣснящій его другой народъ, противъ котораго онъ вынужденъ внутренно организоваться въ государство, чтобы, какъ держава, быть способнымъ на отпоръ ему. Республиканское устройство есть единственнное, вполнѣ сообразное съ правомъ людей, но установить, а тѣмъ болѣе сохранить подобное устройство до такой степени трудно, что, по мнѣнію многихъ, это должно бы быть государствомъ ангеловъ, такъ какъ люди съ своими эгоистическими склонностями не были бы способны къ столь возвышенному по формѣ устройству. Но здѣсь общей, на разумѣ основанной волѣ, почтенной, но на практикѣ безсильной, приходитъ на помощь природа какъ разъ тѣми же эгоистическими склонностями; такъ что лишь отъ хорошей организаціи государства зависитъ (она во всякомъ случаѣ подъ силу человѣку) такъ направить силы этихъ склонностей по отношенію другъ къ другу, чтобы каждая или сдерживала другую [1]) въ ея разрушительномъ дѣйствіи, или уничтожала ее; такимъ образомъ, для разума результатъ получается такой, какъ если бы этихъ склонностей совсѣмъ не было, а этимъ человѣкъ принуждается быть если не морально хорошимъ человѣкомъ, то все же хорошимъ гражданиномъ. Проблема учрежденія государства, какъ бы

---

[1]) Въ нѣмецкомъ текстѣ очевидная опечатка: вмѣсто «die andere», стоитъ «die anderen»; см. 3. ew. F., Kehrbach, стр. 32.

Прим. перев.

рѣзко это ни звучало, разрѣшима даже для народа дьяволовъ (если только они обладаютъ разсудкомъ). Она гласитъ слѣдующее: «Такъ упорядочить нѣкоторое количество разумныхъ существъ, которыя въ своей совокупности требуютъ для поддержанія своей жизни общихъ законовъ, но изъ которыхъ каждое втайнѣ склонно уклониться отъ нихъ, и такъ организовать ихъ устройство, что, несмотря на противоположность ихъ личныхъ побужденій, послѣднія, однако, такъ парализовали бы другъ друга, чтобы въ публичномъ поведеніи людей результатъ былъ именно тотъ, какъ если бы они совсѣмъ не имѣли такихъ злыхъ побужденій». Такая проблема должна быть разрѣшимой. Вѣдь дѣло идетъ не о моральномъ улучшеніи людей, а только о механизмѣ природы, о которомъ, согласно задачѣ, требуется узнать, какъ можно было бы воспользоваться имъ въ людяхъ, чтобы такъ направить въ народѣ противорѣчіе изъ немирныхъ побужденій, что они сами заставятъ другъ друга подчиниться принудительнымъ законамъ и такимъ образомъ необходимо осуществятъ состояніе мира, гдѣ сила въ законѣ. На примѣрахъ дѣйствительно существующихъ, еще очень несовершенно организованныхъ государствъ можно видѣть, что они, однако, во внѣшнемъ поведеніи уже очень приближаются къ тому, что предписывается идеей права, хотя, конечно, причина этому не глубина моральнаго сознанія (какъ и не отъ моральности слѣдуетъ ожидать хорошаго государственнаго устройства, но скорѣе, наоборотъ, только отъ послѣдняго хорошаго моральнаго воспитанія народа). Изъ этого слѣдуетъ, что разумъ можетъ воспользоваться посредствомъ эгоистическихъ склон-

ностей (противодѣйствіе которыхъ естественно проявляется и вовнѣ) механизмомъ природы, какъ средствомъ для того, чтобы осуществить свою собственную цѣль—предписаніе права — и этимъ способствовать внѣшнему и внутреннему миру и охранять его, поскольку это зависитъ отъ самаго государства. Итакъ, можно сказать: природа непреодолимо хочетъ, чтобы право получило, въ концѣ-концовъ, верховную власть. Что же здѣсь упустили сдѣлать, то дѣлается, въ концѣ-концовъ, само собою [1]), хотя цѣною многихъ страданій. «Если согнуть слишкомъ сильно тростникъ, онъ ломается, а кто слишкомъ многаго хочетъ, тотъ ничего не хочетъ!» (Bouterwek).

2) Идея международнаго права предполагаетъ раздѣльное существованіе многихъ сосѣднихъ государствъ, независимыхъ другъ отъ друга. Несмотря на то, что такое состояніе само по себѣ уже есть состояніе войны (если федеративный союзъ государствъ не предотвращаетъ проявленіе враждебности), все же оно лучше, по идеѣ разума, чѣмъ сплоченіе государствъ воедино державой, превосходящей другія и переходящей въ универсальную монархію; такъ какъ законы съ увеличившейся областью правленія все болѣе и болѣе теряютъ въ силѣ, и бездушный деспотизмъ, искоренивъ зачатки добра, въ концѣ-концовъ, впадетъ въ анархію. Между тѣмъ стремленіе каждаго государства (или его верховнаго главы) заключается въ томъ, чтобы, завладѣвъ по возможности всѣмъ міромъ, добиться такимъ путнмъ для себя продолжительнаго мирнаго состоянія.

---

[1]) Было бы лучше читать: «das macht sie zuletzt selbst». Тогда переводъ будетъ такимъ: «то она (природа) сдѣлаетъ, въ концѣ-концовъ, сама». 3. ew. F. Kehrbach, стр. 33. *Прим. перев.*

Но природа не хочетъ этого. Двумя средствами пользуется она для того, чтобы удерживать народы отъ смѣшенія и разъединять ихъ—различіемъ языковъ и религій [1]. Это различіе, конечно, влечетъ за собою склонность къ взаимной ненависти и поводъ къ войнѣ, однако, съ ростомъ культуры и при постепенномъ приближеніи людей къ большему согласію въ принципахъ ведетъ къ согласію въ мирѣ, который осуществляется и обезпечивается не ослабленіемъ всѣхъ силъ, какъ деспотизмъ (на кладбищѣ свободы), но ихъ равновѣсіемъ въ живѣйшемъ соревнованіи.

3) Какъ съ одной стороны природа мудро раздѣляетъ народы, которые воля каждаго государства, и даже по принципамъ международнаго права, охотно соединила бы подъ своею властью хитростью или силой, такъ съ другой стороны она соединяетъ силой взаимнаго корыстолюбиваго интереса тѣ народы, которыхъ понятіе космополитическаго права не оградило бы отъ насилія и войны. Духъ торговли, который рано или поздно подчиняетъ себѣ каждый народъ — вотъ что не можетъ существовать рядомъ съ войной. Такъ какъ между всѣми силами (средствами), подчиненными государственной власти,

---

1) Различіе религій—странное выраженіе, все равно, какъ говорить о различныхъ мораляхъ. Могутъ, конечно, существовать различныя формы вѣрованія, въ зависимости отъ историческихъ средствъ, употреблявшихся для служенія дѣлу религіи, но эти средства, имѣя свою собственную исторію, относятся не къ религіи, но къ области знанія; точно такъ же могутъ существовать различныя священныя книги (Зендавеста, Веды, Коранъ и т. д.), но только одна религія, обязательная для всѣхъ людей и во всѣ времена. Эти средства могутъ быть только орудіемъ религій, тѣмъ, что случайно и можетъ быть различнымъ, смотря по различію времени и мѣста.

сила денегъ является, конечно, наиболѣе надежной, то государства чувствуютъ себя вынужденными (конечно, не по моральнымъ побужденіямъ) содѣйствовать благородному миру и, гдѣ бы война ни угрожала вспыхнуть, предотвращать ее своимъ посредничествомъ, какъ будто они находились съ этой цѣлью въ постоянныхъ союзахъ. Вѣдь большіе союзы, заключенные въ видахъ войны, могутъ по природѣ самаго дѣла очень рѣдко состояться и еще рѣже вести къ удачнымъ результатамъ. Такимъ способомъ, даже самимъ механизмомъ въ человѣческихъ склонностяхъ гарантируетъ природа вѣчный миръ, конечно, съ достовѣрностью, которая недостаточна, чтобы предсказать его наступленіе въ будущемъ (теоретически), но которая, однако, достаточна въ практическомъ отношеніи и вмѣняетъ намъ въ долгъ работать во имя этой (не столь ужь призрачной) цѣли.

ВТОРОЕ ДОБАВЛЕНІЕ.

Тайная статья къ вѣчному миру.

Тайная статья въ трактатахъ публичнаго права объективно, т.-е. разсматриваемая по своему содержанію, есть противорѣчіе, но субъективно, съ точки зрѣнія свойствъ лица, которое ее высказываетъ, тайна, конечно, можетъ заключаться въ томъ, что это лицо находитъ для своего достоинства сомнительнымъ публично признать себя ея авторомъ.

Единственная статья такого рода содержится въ положеніи: *государства, готовыя къ войнѣ, должны принимать въ соображеніе максимы* [1]) *философовъ объ условіяхъ возможности публичнаго мира.*

Но для законодательнаго авторитета государства, которому, естественно, слѣдуетъ приписывать величайшую мудрость, унизительно, повидимому, искать поученія о принципахъ своего поведенія относительно другихъ государствъ у подданныхъ (философовъ),

---

[1]) Относительно понятія максимы Кантъ указываетъ:

«Максима есть субъективный принципъ дѣйствованія, который субъектъ самъ дѣлаетъ себѣ правиломъ (какъ онъ именно хочетъ поступать). Напротивъ, принципъ долга есть то, что субъекту приказываетъ разумъ безъ оговорокъ, тѣмъ самымъ объективно (какъ онъ *долженъ* поступать)». *Metaphysik den Sitten* изд. Kirchman'a, стр. 26, сюда же *Kritik der renien Vernuft,* изд. Kehrbach'a, стр. 615, *Kritik der practischen Vernuft,* изд. Kehrbach'a, стр. 21, 22,и *Grundlegung zur Metaphysik der Sitten,* изд. Fritzsch'a, стр. 30.

Прим. перев.

но, несмотря на то, дѣлать это очень благоразумно. Итакъ, государство будетъ молчаливо приглашать ихъ къ тому (дѣлая, слѣдовательно, изъ этого тайну). Вотъ что это означаетъ: государство позволитъ философамъ свободно и публично высказываться объ общихъ максимахъ веденія войны и заключенія мира (вѣдь они это будутъ уже дѣлать сами, если имъ только не запретятъ); согласіе же государства между собою по этому пункту не нуждается въ особомъ соглашеніи для этой цѣли, но уже заключается въ обязанности, налагаемой общимъ человѣческимъ разумомъ (морально законодательнымъ). Но этимъ еще не сказано, что государству слѣдовало бы отдавать преимущество принципамъ философа передъ изреченіями юриста (представителя государственной власти), но только то, что перваго слѣдовало бы выслушать. Юристъ, избравшій себѣ символомъ вѣсы права и вмѣстѣ съ ними мечъ справедливости, пользуется обыкновенно мечемъ не только для того, чтобы отстранить отъ вѣсовъ всѣ чуждыя вліянія, но и для того, чтобы положить его на чашку, если она не хочетъ опуститься (vae victis). Къ этому юристъ, если онъ въ то же время не философъ (и въ моральномъ отношеніи) чувствуетъ величайшее искушеніе, такъ какъ его обязанность состоитъ лишь въ томъ, чтобы примѣнять существующіе законы, а не изслѣдовать, не нуждаются ли они сами въ улучшеніи; онъ считаетъ высшимъ на самомъ дѣлѣ низшее положеніе своего факультета, потому что оно [1]) сопровождается властью (тоже са-

---

[1]) Было бы гораздо яснѣе, если бы въ текстѣ вмѣсто «weil er mit Macht begleitet ist» стояло «weil sie mit Macht begleitet ist». Тогда переводъ былъ бы такой: «потому что онъ (этотъ факуль-

мое и съ обоими другими факультетами). Философскій факультетъ въ сравненіи съ этой союзной силой стоитъ на очень низкой ступени. Говорятъ, напримѣръ, о философіи, что она служанка богословія, то же повторяютъ и о двухъ другихъ факультетахъ. Но изъ этого еще неясно, «идетъ ли она съ факеломъ впереди своей милостивой госпожи, или поддерживаетъ позади ней ея шлейфъ».

Нельзя ожидать, чтобы короли философствовали или философы сдѣлались королями; да этого нечего и желать, такъ какъ обладаніе властью неизбѣжно искажаетъ свободное сужденіе разума. Но чтобы короли или королевскіе народы (самоуправляющіеся по законамъ равенства) не позволяли исчез-

---

теть) сопровождается властью». Кромѣ того для пониманія этого мѣста слѣдуетъ замѣтить, что, по ученію Канта, университетомъ называется учебное общество, имѣющее свою автономію, «такъ какъ объ ученомъ можетъ судить только ученый». Всѣ факультеты (небольшія общества, на которыя распадается университетъ, различныя сообразно съ различіемъ областей знанія) раздѣлены, согласно съ интересами правительства, на два класса: на три высшихъ факультета (теологическій, юридическій и медицинскій) и на одинъ низшій (философскій). Такъ какъ посредствомъ ученій высшихъ факультетовъ правительство вліяетъ на народъ, то оно удерживаетъ за собой право *санкціонировать* желательныя въ его видахъ ученія, сообщая тѣмъ самымъ имъ авторитетность. Философскій же факультетъ независимъ въ своихъ ученіяхъ отъ правительства и имѣетъ дѣло только съ истиной. Причина того, что онъ считается низшимъ, — сама природа человѣка. «Вѣдь тотъ, замѣчаетъ Кантъ, кто можетъ приказывать, будь онъ смиреннымъ слугой другого, все-таки считаетъ себя важнѣе того, кто, хотя и свободенъ, но никому не можетъ приказывать». *Der Streit der Facultäten*, изд. Kehrbach'а, стр. 31, 32, 33, 34. *Прим. перев.*

нуть или умолкнуть классу философовъ, но позволяли имъ публично говорить — необходимо и тѣмъ, и другимъ для внесенія свѣта въ ихъ дѣятельность. Здѣсь нечего опасаться упрековъ въ пропагандѣ, такъ какъ этотъ классъ по своей природѣ неспособенъ соединяться въ сообщества и клубы.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I.

О несогласіи между моралью и политикой по отношенію къ вѣчному миру.

Мораль уже сама по себѣ есть практика въ объективномъ смыслѣ, какъ совокупность безусловно повелѣвающихъ законовъ, по которымъ мы должны поступать, и хотѣть утверждать, что это невозможно послѣ того, какъ за этимъ понятіемъ долга признанъ его авторитетъ, явно нелѣпо. Вѣдь въ такомъ случаѣ это понятіе само собой исчезаетъ изъ морали (ultra posse, nemo obligatur); не можетъ быть, слѣдовательно, спора между политикой, какъ практическимъ ученіемъ о правѣ, и моралью, какъ теоретическимъ ученіемъ о немъ (тѣмъ самымъ никакого спора практики съ теоріей), развѣ только если понимать подъ послѣдней общее ученіе о благоразуміи, т.-е. теорію максимъ о выборѣ наиболѣе подходящихъ средствъ для личныхъ, разсчитанныхъ на выгоду цѣлей, что равносильно отрицанію существованія морали вообще.

Политика говоритъ: «будьте мудры, какъ змѣи», мораль прибавляетъ (какъ ограничивающее условіе): «и безхитростны, какъ голуби». Если и то, и другое не можетъ совмѣститься въ одной заповѣди, то дѣй-

ствительно существуетъ споръ между политикой и моралью; но если они, однако, во что бы то ни стало должны быть соединены, то понятіе о противоположности абсурдно, и вопросъ о томъ, какъ уладить этотъ споръ, даже не можетъ представлять собой проблемы. Хотя положеніе: «честность—лучшая политика» содержитъ въ себѣ теорію, которой практика, къ сожалѣнію, очень часто противорѣчитъ, однако, точно такъ же теоретическое положеніе: честность лучше всякой политики, будучи безконечно выше всякихъ возраженій, есть даже непремѣнное условіе послѣдней. Божество морали не уступаетъ Юпитеру (божеству силы); послѣдній находится еще во власти судьбы, т.-е. разумъ не достаточно просвѣщенъ для того, чтобы обозрѣвать рядъ предопредѣляющихъ причинъ, которыя позволяютъ по механизму природы съ достовѣрностью предсказывать счастливый или дурной результатъ поведенія людей (хотя разумъ и даетъ надежды на то, что этотъ результатъ будетъ соотвѣтствовать желанію). Но разумъ указываетъ намъ, что слѣдуетъ дѣлать, чтобы остаться въ стезѣ долга (по правиламъ мудрости); для этого, а тѣмъ самымъ для конечной цѣли, онъ свѣтитъ намъ повсюду достаточно ярко.

Практикъ (для котораго мораль только теорія) основываетъ свое безотрадное отрицаніе нашей довѣрчивой надежды (даже допуская долженствованіе и возможность) собственно на такомъ утвержденіи: онъ берется изъ природы человѣка предвидѣть, что человѣкъ никогда не захочетъ того, что необходимо для осуществленія той цѣли, приводящей къ вѣчному миру. Конечно, для этой цѣли недостаточно хотѣнія всѣхъ отдѣльныхъ людей жить въ закон-

номъ устройствѣ по принципамъ свободы (дистрибутивное единство воли всѣхъ); но чтобы всѣ вмѣстѣ захотѣли такого состоянія (коллективное единство объединенной воли)—такое разрѣшеніе трудной проблемы еще необходимо для этого, такъ какъ иначе не могло бы создаться гражданское общество, какъ цѣлое. Но такъ какъ, слѣдовательно, для того, чтобы создать общую волю къ этому различію частнаго хотѣнія всѣхъ—ни одинъ изъ нихъ не можетъ сдѣлать этого—должна привзойти еще объединяющая его причина, то при выполненіи этой идеи (на практикѣ) нельзя разсчитывать на другое начало правового состоянія, кромѣ начала съ помощью силы; на ея принужденіи основывается затѣмъ публичное право. Это, конечно, уже заранѣе заставляетъ ждать большихъ отклоненій въ дѣйствительномъ опытѣ отъ той идеи (теоріи), такъ какъ во всякомъ случаѣ нельзя принимать въ разсчетъ моральнаго настроенія законодателя, т.-е. разсчитывать на то, что онъ послѣ происшедшаго объединенія дикой толпы въ народъ предоставитъ ему теперь осуществить правовое устройство посредствомъ своей общей воли.

Все это сводится, въ концѣ-концовъ, къ слѣдующему: «Тотъ, въ рукахъ кого власть, не позволитъ народу предписывать ему законы». Государство, имѣющее возможность не подчиняться внѣшнимъ законамъ, не поставитъ себя въ зависимость отъ суда другихъ государствъ относительно того способа, какимъ оно должно искать противъ нихъ своего права, и даже часть свѣта, если чувствуетъ свое превосходство надъ другой, ни въ чемъ ей, впрочемъ, не препятствующей, не замедлитъ ограбленіемъ или даже порабощеніемъ ея воспользоваться, какъ сред-

ствомъ для усиленія своего могущества. Такимъ образомъ, всѣ планы теоріи для государственнаго, международнаго и космополитическаго права расплываются въ безсодержательные, неисполнимые идеалы; напротивъ, только практика, основанная на эмпирическихъ принципахъ человѣческой природы, которая не считаетъ для себя слишкомъ унизительнымъ извлекать поученіе для своихъ максимъ изъ положенія вещей въ мірѣ, могла бы надѣяться найти надежную основу для зданія государственной мудрости.

Конечно, если нѣтъ свободы и основаннаго на ней моральнаго закона, но все, что происходитъ или можетъ происходить, есть исключительно механизмъ природы, то политика (какъ искусство пользоваться имъ для управленіе людьми) является всей практической мудростью, и понятіе права — безсодержательная мысль. Если же находятъ неизбѣжнымъ соединять это понятіе съ политикой, даже возвышать его до ограничивающаго условія послѣдней, то должна быть допущена ихъ совмѣстимость. Я могу представить себѣ, конечно, моральнаго политика, т.-е. такого, который такъ устанавливаетъ принципы государственной мудрости, что они могутъ совмѣститься съ моралью, но не политическаго моралиста, который выковываетъ себѣ мораль такъ, какъ требуетъ того выгода государственнаго человѣка.

Моральный политикъ возьметъ себѣ за принципъ слѣдующее: если въ государственномъ устройствѣ или въ государственныхъ отношеніяхъ будутъ замѣчены какіе-либо недостатки, предотвратить которые было невозможно, то позаботиться о томъ, какъ бы по возможности скорѣе исправить ихъ и

привести въ соотвѣтствіе съ естественнымъ правомъ, какъ оно для образца раскрывается намъ въ идеѣ разума, есть долгъ, для главъ государствъ въ особенности, какихъ бы жертвъ это ни стоило ихъ эгоизму. Такъ какъ разрывъ государственной связи или связи мірового союза прежде, чѣмъ болѣе совершенное устройство готово вступить на ихъ мѣсто, противорѣчитъ всякой государственной мудрости, согласной въ этомъ съ моралью, то было бы, конечно, нелѣпымъ требовать, чтобы этотъ недостатокъ былъ устраненъ безотлагательнымъ и насильственнымъ измѣненіемъ. Но отъ имѣющаго власть можно все же требовать, по крайней мѣрѣ, чтобы онъ всегда имѣлъ передъ глазами максиму о необходимости такого измѣненія и оставался, благодаря этому, въ постоянномъ приближеніи къ цѣли (лучшему по законамъ права устройству). Государство, по существующей конституціи обладающее деспотической властью, можетъ, несмотря на то, уже управляться республикански, до тѣхъ поръ, пока народъ постепенно не сдѣлается способнымъ къ воздѣйствію чистой идеи авторитета закона (какъ если бы законъ обладалъ физической силой), а тѣмъ самымъ будетъ признанъ способнымъ для собственнаго законодательства (первоначально основаннаго на правѣ). Но если бы даже бурей революціи, вызванной дурнымъ устройствомъ, неправомѣрно было достигнуто болѣе правомѣрное устройство, то и тогда, однако, не слѣдовало бы считать дозволеннымъ снова вернуть народъ къ прежнему устройству, хотя во время революціи съ правомъ былъ бы подвергнутъ наказанію мятежника каждый, кто принималъ въ ней участіе насильственно или

коварно. Что же касается внѣшнихъ государственныхъ отношеній, то отъ государства нельзя требовать, чтобы оно отказалось отъ своего даже деспотическаго устройства (болѣе сильнаго, однако, по отношенію къ внѣшнимъ врагамъ) до тѣхъ поръ, пока ему грозитъ опасность быть немедленно поглощеннымъ другими государствами; слѣдовательно, при такомъ положеніи должно быть также дозволено замедленіе исполненія до болѣе благопріятныхъ временъ [1]).

Итакъ, очень можетъ быть, что деспотизирующіе (дѣлающіе промахи при выполненіи) моралисты впадаютъ въ различныя погрѣшности противъ государственной мудрости (слишкомъ поспѣшно принятыми или рекомендованными ими мѣрами); однако, опытъ долженъ при этой погрѣшности ихъ противъ природы мало-по-малу вывести ихъ на лучшій путь; наоборотъ, морализирующіе политики, оправдывая подъ предлогомъ человѣческой природы, неспособной къ добру по идеѣ, какъ ее предписываетъ разумъ, противныя праву государственные

[1]) Оставлять безъ измѣненія запятнанное несправедливостью состояніе публичнаго права до тѣхъ поръ, пока все само собой созрѣетъ до полнаго переворота, или же будетъ доведено до зрѣлости мирными средствами, суть дозволительные законы разума, такъ какъ какое-либо правовое, хотя и въ незначительной степени правомѣрное устройство лучше, чѣмъ отсутствіе всякаго, а это послѣднее (анархія) будетъ судьбой слишкомъ поспѣшной реформы. Государственная мудрость вмѣнитъ себѣ въ долгъ въ настоящемъ положеніи вещей провести реформы, сообразныя идеалу публичнаго права, революціями же, гдѣ ихъ вызываетъ сама природа, пользоваться не какъ благовиднымъ оправданіемъ еще большаго угнетенія, но какъ призывомъ природы къ тому, чтобы осуществить путемъ коренной реформы законное устройство, основанное на принципахъ свободы, какъ единственно прочное.

принципы, дѣлаютъ, по мѣрѣ силъ, невозможнымъ улучшеніе и увѣковѣчиваютъ безправіе.

Вмѣсто практической мудрости, которой хвалятся эти государственные люди, они обходятся практической изворотливостью, заботясь только о томъ, чтобы раболѣпствомъ передъ господствующей теперь властью (съ цѣлью не упустить своей личной выгоды) предать народъ, а если возможно, и цѣлый міръ, наподобіе настоящихъ юристовъ (по ремеслу, а не по участію въ законодательствѣ), если имъ удастся пріобрѣсти вліяніе на политику. Такъ какъ не мудрствовать о самомъ законодательствѣ ихъ дѣло, а примѣнять дѣйствующіе законы мѣстнаго права, то для нихъ должно быть наилучшимъ каждое существующее въ данное время законное устройство, и если оно будетъ измѣнено свыше, то слѣдующее, гдѣ тогда все будетъ находиться въ своемъ надлежащемъ механическомъ порядкѣ. Но если эта способность примѣняться къ всевозможнымъ обстоятельствамъ заставитъ ихъ вообразить о себѣ, что они могутъ также судить по понятіямъ права (слѣдовательно, apriori, не эмпирически) о принципахъ государственнаго устройства вообще; если они кичатся тѣмъ, что знаютъ людей (это можно, конечно, ожидать, потому что они имѣютъ дѣло со многими), не зная, однако, человѣка и того, что можно изъ него сдѣлать (для этого необходима болѣе высокая точка зрѣнія, чѣмъ антропологическое наблюденіе), и, составивъ себѣ такія понятія, приступаютъ къ государственному и международному праву, какъ его предписываетъ разумъ, то они могутъ совершить этотъ переходъ не въ свою область только съ духомъ мелкой придирчивости, держась своего обычнаго пріема (меха-

низма по деспотически даннымъ принудительнымъ закопамъ) также и тамъ, гдѣ по требованію понятій разума должно быть основано лишь по принципамъ свободы закономѣрпое принужденіе, только благодаря которому возможно государственное устройство, устойчивое со стороны права. Мнимый практикъ увѣренъ, что съумѣетъ разрѣшить эту задачу, оставляя въ сторонѣ ту идею эмпирически, изъ опыта о томъ, какъ были организованы наилучше сохранившіяся, но по большей части противныя праву государственныя устройства. Максимы, которыми онъ пользуется для этой цѣли (хотя и не оглашаетъ ихъ) сводятся приблизительно къ слѣдующимъ софистическимъ максимамъ.

1) Fac et excusa. Не упускай случая, благопріятствующаго самовластному захвату (права государства надъ своимъ народомъ или надъ другимъ сосѣднимъ народомъ). Подыскать оправданіе и прикрыть благовидными предлогами насиліе послѣ совершившагося факта будетъ гораздо легче и удается съ большимъ блескомъ (особенно въ первомъ случаѣ, гдѣ верховная власть внутри государства вмѣстѣ съ тѣмъ также законодательная власть, которой слѣдуетъ повиноваться, не мудрствуя), чѣмъ если захотѣли бы до него обдумывать убѣдительныя основанія, а затѣмъ еще ждать на нихъ возраженій. Сама эта дерзость даетъ извѣстную видимость внутренняго убѣжденія въ правомѣрности поступка и послѣ него богъ bonus ewentus лучшій адвокатъ.

2) Si fecisti, nega. Отрицай свою виновность въ томъ преступленіи, которое ты самъ совершилъ, чтобы довести, напримѣръ, свой народъ до отчая-

нія и такимъ путемъ до возстанія, но утверждай, что въ этомъ виновато упорство подданныхъ, пли же, когда ты подчинилъ сосѣдній народъ — природа человѣка, который, если не предупредитъ другого въ насиліи, можетъ смѣло разсчитывать на то, что этотъ предупредитъ и подчинитъ его.

3) Divide et impera. Это значитъ: если въ твоемъ народѣ есть нѣкоторыя привилегированныя лица, обладающія властью, которыя избрали тебя только своимъ верховнымъ главой (primus inter pares), то поссорь ихъ между собою и разъедини съ народомъ; заступись далѣе за народъ, обольщая его большей свободой, п все будетъ зависѣтъ отъ твоей неограниченой воли. Если же дѣло идетъ о другихъ государствахъ, то возбужденіе розни между ними вполнѣ надежное средство подъ предлогомъ помощи болѣе слабымъ подчинить себѣ ихъ одно за другимъ.

Такими политическими максимами теперь, конечно, никого не обманешь, такъ какъ всѣ онѣ общеизвѣстны; да и стыдиться ихъ не приходится, какъ въ томъ случаѣ, если бы несправедливость въ нихъ слишкомъ явно бросалась въ глаза. Вѣдь великія державы никогда не смущаются передъ сужденіемъ простыхъ смертныхъ, но стыдятся только другъ друга; что же касается тѣхъ принциповъ, то ихъ можетъ пристыдить не оглашеніе этихъ принциповъ, но только ихъ неудача (относительно моральности максимъ онѣ согласны между собой). Поэтому за этими державами остается всегда политическій почетъ, на который онѣ могутъ смѣло разсчитывать, именно почетъ, являющійся результатомъ увеличе-

нія ихъ могущества, какими бы путями оно ни было пріобрѣтено [1]).

* * *

Изъ всѣхъ этихъ ухищреній безнравственнаго ученія о благоразуміи произвести мирное состояніе

[1]) Если и можно было бы еще усомниться въ извѣстной порочности, коренящейся въ человѣческой природѣ, поскольку дѣло идетъ о людяхъ, которые совмѣстно живутъ въ государствѣ; если вмѣсто нея можно было бы съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ приводить недостаточность слишкомъ слабо развитой культуры, какъ причину противозаконныхъ явленій ихъ образа мыслей, то во внѣшнихъ отношеніяхъ государствъ между собою она бросается въ глаза, какъ явная и совершенно неоспоримая. Во внутренней жизни каждаго государства эта прочность маскируется благодаря принужденію гражданскихъ законовъ, такъ какъ склонности гражданъ къ взаимнымъ насиліямъ могуче противодѣйствуетъ большая сравнительно съ ней сила, именно сила правительства, и такимъ образомъ не только даетъ цѣлому моральный обликъ (causae non causae), но тѣмъ самымъ, что взрыву противозаконныхъ склонностей ставится преграда, чрезвычайно способствуетъ развитію моральныхъ задатковъ къ уваженію права самого по себѣ. Вѣдь каждый увѣренъ относительно себя самого въ томъ, что онъ, конечно, свято хранилъ бы понятіе права и вѣрно слѣдовалъ бы ему, если бы онъ могъ ждать того же отъ другого; послѣднее частью обезпечивается ему правительствомъ и этимъ тогда обусловливается великій (хотя еще и не моральный) шагъ къ моральности, къ тому, чтобы быть приверженнымъ этому понятію и во имя его самого, безъ мысли о соотвѣтственномъ поступкѣ другого. Такъ какъ каждый, будучи хорошаго мнѣнія о себѣ самомъ, предполагаетъ, однако, злыя побужденія у всѣхъ другихъ, то они взаимно высказываютъ другъ другу свой приговоръ: всѣ они, что касается фактовъ, никуда не годны (въ чемъ причина этого, такъ какъ вина не можетъ быть въ природѣ человѣка, какъ свободнаго существа—можно оставить неразъясненнымъ). Но такъ какъ даже и уваженіе къ понятію права—человѣкъ просто не можетъ отрѣчься отъ этого уваженія — самымъ торжественнымъ образомъ санкціонируетъ теорію, утверждающую возможность стать сообразнымъ ему, то для каждаго ясно, что ему слѣдовало бы съ своей стороны поступать сообразно этому понятію, какъ бы ни относились къ нему другіе.

среди людей изъ непрестанной войны естественнаго состоянія явствуетъ, по крайней мѣрѣ, слѣдующее: люди такъ же мало могутъ избѣгнуть понятія права въ своихъ частныхъ отношеніяхъ, какъ и въ публичныхъ, и не рѣшаются публично основывать политику исключительно на пріемахъ благоразумія, тѣмъ самымъ отказать понятію публичнаго права во всякомъ повиновеніи (что особенно бросается въ глаза въ международномъ правѣ), что, наоборотъ, они воздаютъ ему самому по себѣ всѣ подобающія почести, если даже имъ приходится выдумывать сотни увертокъ и уловокъ, чтобы уклониться отъ него на практикѣ и приписать изворотливой силѣ непринадлежащій ей авторитетъ быть источникомъ и связью всего права. Чтобы положить конецъ этой софистикѣ (хотя и не несправедливости, которая сю прикрывается) и лукавыхъ представителей сильныхъ міра сего довести до сознанія, что они ратуютъ не за право, но за силу, отъ которой они перенимаютъ властный тонъ, какъ если бы они сами имѣли возможность что-либо приказать при этомъ, необходимо раскрыть призракъ, которымъ они обольщаютъ и себя, и другихъ, выяснить высшій принципъ, изъ котораго вытекаетъ цѣль вѣчнаго міра, и показать, что все то зло, которое преграждаетъ этой цѣли путь, происходитъ отъ того, что политическій моралистъ начинаетъ тамъ, гдѣ моральный политикъ справедливо кончаетъ, и что политическій моралистъ, подчиняя такимъ образомъ принципы цѣли (т.-е. запрягая лошадей позади повозки), дѣлаетъ тщетной свою собственную цѣль привести къ согласію политику съ моралью.

Для того, чтобы привести къ единству практическую философію самое съ собой, необходимо прежде всего рѣшить вопросъ: слѣдуетъ ли начинать въ проблемахъ практическаго разума съ матеріальнаго принципа его, съ цѣли (какъ предмета произвола), или съ формальнаго, т.-е. такого (основаннаго только на свободѣ во внѣшнемъ отношеніи), который гласитъ: «поступай такъ, что ты могъ бы желать, чтобы твоя максима должна была стать общимъ закономъ (цѣль можетъ быть какой угодно)».

Безъ всякаго сомнѣнія, послѣдній принципъ долженъ предшествовать. Вѣдь онъ имѣетъ, какъ принципъ права, безусловную необходимость, вмѣсто чего первый принципъ принудителенъ только подъ предположеніемъ эмпирическихъ условій намѣченной цѣли, именно ея выполненія, и если бы эта цѣль (напримѣръ, вѣчный миръ) была въ то же время долгомъ, то этотъ долгъ, однако, самъ долженъ былъ бы быть выведенъ изъ формальнаго принципа максимъ поступать вовнѣ. Первый принципъ, принципъ политическаго моралиста (проблема государственнаго, международнаго и космополитическаго права) представляетъ собой только техническую задачу (problema technicum), напротивъ, второй, какъ принципъ моральнаго политика, для котораго онъ является нравственной проблемой (problema morale), отличенъ отъ перваго, какъ небо отъ земли, въ пріемахъ осуществить вѣчный миръ, который желателенъ не только, какъ физическое благо, но также какъ состояніе, вытекающее изъ признанія долга.

Разрѣшеніе первой проблемы, проблемы государственнаго благоразумія, требуетъ обширныхъ познаній природы для того, чтобы использовать ея

механизмъ для задуманной цѣли, и, однако, все это не надежно по отношенію къ вѣчному миру, какъ своему результату, какую бы отрасль публичнаго права мы ни брали. Чѣмъ лучше народъ въ своей внутренней жизни могъ бы быть, и при томъ надолго, удержанъ въ послушаніи и въ то же время въ цвѣтущемъ состояніи? Строгостью или поощреніемъ тщеславія, верховной властью одного или соединеніемъ многихъ лицъ, обладающихъ властью, быть можетъ, только служилымъ дворянствомъ или властью народа? На этотъ вопросъ у насъ нѣтъ достовѣрнаго отвѣта. Исторія даетъ примѣръ противоположнаго для всѣхъ способовъ управленія (за исключеніемъ только подлинно республиканскаго, который можетъ придти на умъ только моральному политику). Еще менѣе достовѣрно международное право, установленное будто бы на статутахъ по министерскимъ проектамъ, которое на самомъ дѣлѣ есть слово безъ содержанія и покоится на договорахъ, содержащихъ въ самомъ актѣ ихъ заключенія въ то же время тайное удержаніе предлога для своего нарушенія. Напротивъ, рѣшеніе второй проблемы, т.-е. проблемы государственной мудрости, напрашивается, такъ сказать, само собой; оно ясно для всякаго, посрамляетъ всѣ ухищренія и ведетъ при этомъ прямо къ цѣли; однако, благоразуміе напоминаетъ о томъ, чтобы не осуществлять эту цѣль слишкомъ поспѣшно и насильственно, но непрестанно приближаться къ ней, сообразуясь съ благопріятными обстоятельствами.

Это значитъ: «стремитесь прежде всего къ царству чистаго практическаго разума и къ справедливости этого царства, такимъ путемъ ваша цѣль (бла-

годать вѣчнаго мира) приложится вамъ сама собой». Вѣдь мораль имѣетъ въ себѣ и, конечно, по отношенію къ своимъ принципамъ публичнаго права (слѣдовательно, по отношенію къ политикѣ, познаваемой a priori) ту особенность, что чѣмъ менѣе она дѣлаетъ поведеніе зависимымъ отъ намѣченной цѣли — цѣли, которая имѣется въ виду — будь то физическая или нравственная выгода, тѣмъ болѣе, однако, она согласуется съ послѣдней въ общемъ. Это происходитъ отъ того, что данная a priori общая воля (въ народѣ или въ отношеніяхъ различныхъ народовъ между собою) есть какъ разъ то, что всецѣло опредѣляетъ право среди людей. Но это соединеніе воли всѣхъ, если только при выполненіи поступать послѣдовательно, можетъ въ то же время и по механизму природы быть причиной, въ силу которой наступаетъ имѣвшее въ виду дѣйствіе и реализируется понятіе права. Такъ, напримѣръ, принципъ моральной политики заключается въ слѣдующемъ: «народъ долженъ объединиться въ государство по однимъ только правовымъ понятіямъ свободы и равенства», и этотъ принципъ основанъ не на благоразуміи, но на долгѣ. Теперь политическіе моралисты, возражая противъ этого, могутъ сколько угодно мудрствовать о естественномъ механизмѣ, которому подчинена толпа людей, вступающихъ въ общество, и который лишитъ силы тѣ принципы и сдѣлаетъ невозможной ихъ цѣль, или же пытаться доказать свое утвержденіе примѣрами дурно организованныхъ устройствъ стараго и новаго времени (напримѣръ, примѣрами демократій безъ представительственной системы); они не заслуживаютъ быть выслушанными особенно потому, что

такая пагубная теорія сама много содѣйствуетъ злу, которое она предсказываетъ. По этой теоріи человѣкъ подводится подъ одинъ классъ съ остальными живыми машинами, которымъ недостаетъ еще только сознанія, что онѣ не свободныя существа, чтобы сдѣлать ихъ въ собственныхъ глазахъ самыми несчастными изъ всѣхъ существъ въ мірѣ.

Положеніе «fiat justitia, pereat mundus», которое можно перевести такъ: «да господствуетъ справедливость, если даже отъ этого погибнутъ всѣ плуты въ мірѣ», вошло въ обиходъ, какъ пословица. Правда, такое положеніе звучитъ нѣсколько вызывающе, но оно истинно и есть смѣлый принципъ права, отрѣзывающій всѣ кривые пути, указанные коварствомъ или силой. Не слѣдуетъ только его ошибочно истолковывать и понимать, какъ дозволеніе пользоваться своимъ правомъ со всей строгостью (это противорѣчило бы нравственному долгу), но какъ обязанность власть имущихъ никому не отказывать и никого не ограничиватъ въ его правѣ изъ-за недоброжелательства или состраданія къ другимъ. Для этого въ особенности необходимо внутреннее устройство государства, организованное по чистымъ принципамъ права, но, кромѣ того, и устройство соединенія государства съ другими сосѣдними или даже съ отдаленными государствами для законнаго рѣшенія (аналогичнаго всеобщему государству) ихъ споровъ. Это положеніе должно означать только то, что политическіе максимы должны исходить, какія бы ни были отъ этого физическія послѣдствія, не изъ благополучія и счастья каждаго государства, ожидаемыхъ изъ ихъ соблюденія, слѣдовательно, не изъ цѣли, которую дѣлаетъ предметомъ каждое

изъ этпхъ государствъ (изъ хотѣнія), какъ высшаго (но эмпирическаго) принципа государственной мудрости, но изъ чистаго понятія правового долга (изъ долженствованія, принципъ котораго дается a priori въ чистомъ разумѣ). Міръ никоимъ образомъ не погибнетъ отъ того, что злыхъ людей будетъ меньше. Моральное зло имѣетъ то неотдѣлимое отъ своей природы свойство, что въ своихъ собственныхъ цѣляхъ оно внутренне противорѣчиво, само же разрушая ихъ (особенно по отношенію къ другимъ, держащимся такого же образа мыслей), и такимъ образомъ хотя и медленно уступаетъ мѣсто (моральному) принципу добра.

*
* *

Слѣдовательно, объективно (въ теоріи) не существуетъ спора между политикой и моралью. Напротивъ субъективно (въ эгоистическихъ склонностяхъ людей, которыя, однако, такъ какъ онѣ ни основаны на максимахъ разума, не слѣдуетъ называть практикой) всегда останется и можетъ остаться, потому что онъ есть оселокъ добродѣтели. Въ настоящемъ случаѣ истинная сила добродѣтели (по принципу tu ne cede malis, sed contra audentior ito) состоитъ не столько въ твердой рѣшимости противостать неизбѣжнымъ при этомъ несчастіямъ и жертвамъ, сколько въ томъ, чтобы смѣло взглянуть въ глаза гораздо болѣе опасному, лживому, предательскому, но все же мудрствующему злому принципу въ насъ самихъ, оправдывающему подъ предлогомъ слабостей человѣческой природы всѣ преступленія, и въ томъ, чтобы побѣдить его коварство.

Дѣйствительно, политическій моралистъ можетъ сказать: правитель и народъ или народы не совер-

шаютъ по отношенію другъ къ другу несправедливости, если они въ борьбѣ между собою пускаютъ въ ходъ насиліе и коварство, хотя, конечно, вообще они совершаютъ несправедливость въ томъ отношеніи, что отказываютъ во всякомъ уваженіи понятію права, которое одно только могло бы навсегда основать миръ. Такъ какъ каждый изъ нихъ нарушаетъ свой долгъ по отношенію къ другому, у котораго въ свою очередь противъ него точно такія же, противныя праву, побужденія, то обѣимъ сторонамъ воздается лишь должное, если они истребляютъ другъ друга; причемъ, однако, такъ, что отъ этой породы всегда остается достаточно, чтобы продолжать это занятіе вплоть до самыхъ отдаленныхъ временъ и послужить потомству въ далекомъ будущемъ предостерегающимъ урокомъ. Провидѣніе въ ходѣ міровыхъ событій при этомъ оправдывается, такъ какъ моральный принципъ въ людяхъ никогда не угасаетъ, разумъ же, прагматически[1]) способный къ выполненію правовыхъ идей по этому принципу, непрестанно прогрессируетъ въ силу постояннаго роста культуры, но вмѣстѣ съ нимъ возрастаетъ вина тѣхъ преступленій. Только созданія нельзя, повидимому, оправдать никакой теодицеей, нельзя оправдать того, чтобы именно такой родъ испорчен-

---

[1]) Кантъ говоритъ: «Мнѣ кажется, что собственное значеніе слова «прагматическій» точнѣе всего можно было бы опредѣлить такимъ образомъ: прагматическими называются санкціи, которыя проистекаютъ собственно не изъ права государствъ, какъ необходимые законы, но изъ попеченія къ общему благополучію. Прагматически написана исторія тогда, когда она дѣлаетъ мудрымъ, т.-е. научаетъ міръ тому, какъ онъ могъ бы блюсти свою выгоду лучше, или, по крайней мѣрѣ, такъ же хорошо, какъ предки». *Grundlegung zur Metaphysik der Sitten*, изд. Fritzsch'a, стр. 50, прим.
Прим. перев.

ныхъ существъ вообще долженъ былъ существовать на землѣ (если мы допустимъ, что съ человѣческимъ родомъ никогда не будетъ, да и не можетъ обстоять лучше). Но обсужденіе съ этой точки зрѣнія слишкомъ превышаетъ наши силы, чтобы мы могли прилагать въ теоретическомъ отношеніи наши понятія (о мудрости) къ высшей, непостижимой для насъ силѣ. Мы неизбѣжно придемъ къ такимъ, повергающимъ въ отчаяніе выводамъ, если не допустимъ, что чистые принципы права имѣютъ объективную реальность, т.-е. не допустимъ ихъ выполнимость; сообразно съ этимъ слѣдовало бы поступать народамъ въ государствѣ и далѣе государствамъ между собою, чтобы ни возражала противъ этого эмпирическая политика. Истинная политика не можетъ сдѣлать шагу, не присягнувъ заранѣе морали, и хотя политика сама по себѣ трудное искусство, однако, соединеніе ея съ моралью вовсе не искусство, такъ какъ мораль разрубаетъ узелъ пополамъ, который политика не могла развязать, пока онѣ были въ спорѣ. Право человѣка [1]) должно считаться священнымъ, какихъ бы жертвъ ни стоило это господствующей власти. Здѣсь нѣтъ середины и нельзя измышлять прагматически-обусловленнаго права (нѣчто среднее между правомъ и пользой), но всей политикѣ слѣдуетъ преклонить колѣни передъ правомъ, а за это она можетъ надѣяться на то, что достигнетъ, хотя и медленно, ступени непрестаннаго блеска.

[1]) Согласно съ Штаудингеромъ читаемъ вмѣсто: «Das Recht dem Menschen»... «Das Recht des Menschen». См. *Kantstudien*, 1897 г., I-я ч., стр. 312. *Прим. перев.*

II.

О согласіи политики съ моралью по трасцендентальному понятію публичнаго права.

Если я въ публичномъ правѣ, какъ его мыслятъ себѣ обыкновенно учителя права, абстрагирую отъ всей матеріи (по различнымъ эмпирически даннымъ отношеніямъ людей въ государствѣ или государствъ между собою), то у меня еще останется форма публичности. Возможность этой формы содержитъ въ себѣ каждое правовое притязаніе, потому что безъ нея не могло бы существовать никакой справедливости (которая можетъ мыслиться только публично извѣстной), а тѣмъ самымъ никакого права, которое сообщается только ею.

Каждое правовое притязаніе должно обладать способностью въ публичности, и эта способность, слѣдовательно, можетъ дать a priori находимый въ разумѣ, удобный для употребленія критерій, такъ какъ легко рѣшить, имѣетъ ли она мѣсто въ данномъ случаѣ, т.-е. можно ли ее соединить съ принципами поступающаго, или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ какъ бы экспериментомъ чистаго разума тотчасъ же опредѣляется лживость (противозаконность) разсматриваемаго притязанія (praetensio juris).

Послѣ подобной абстракціи отъ всего эмпирическаго, что содержитъ понятіе государственнаго и международнаго права (такова, напримѣръ, порочность человѣческой природы, дѣлающая необходимымъ принужденіе), слѣдующее положеніе можно назвать трансцендентальной формулой публичнаго права:

„Несправедливы всѣ относящіяся къ праву другихъ людей поступки, максимы которыхъ не соединимы съ публичностью“.

Этотъ принципъ слѣдуетъ разсматривать не только, какъ этическій (относящійся къ ученію о добродѣтели), но такъ же, какъ юридическій (касающійся права людей). Вѣдь максима, которую я не могу огласить, не повредивъ этимъ въ то же время моему собственному намѣренію, которую необходимо скрыть, если она должна имѣть успѣхъ, и въ которой я не могу публично признаться, не возбудивъ этимъ неизбѣжно сопротивленія всѣхъ противъ моего намѣренія, такая максима можетъ сопровождаться этимъ необходимымъ и общимъ, слѣдовательно, a priori усматриваемымъ противодѣйствіемъ всѣхъ противъ меня только вслѣдствіе несправедливости, которой она угрожаетъ каждому. Далѣе этотъ принципъ только отрицателенъ, т.-е. служитъ лишь для того, чтобы распознавать съ его помощью то, что является несправедливостью по отношенію къ другимъ. Онъ подобно аксіомѣ недоказуемо-достовѣренъ и, кромѣ того, легко примѣнимъ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ публичнаго права.

1) *Государственное право.* Что касается государственнаго права (jus civitatis), именно дѣйствующаго внутри государства, то въ немъ ставится вопросъ: «является ли для народа возстаніе правомѣрнымъ средствомъ сбросить съ себя иго такъ-называемаго тирана (non titulo, sed exercitio talis)? Отвѣтить на вопросъ многіе считаютъ труднымъ, но онъ легко разрѣшается трансцендентальнымъ принципомъ публичности. Права народа попраны, возстаніемъ

по отношенію къ нему (къ тирану) не совершится несправедливости, — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Тѣмъ не менѣе со стороны подданныхъ въ высшей степени несправедливо такимъ способомъ добиваться своего права и они также мало могутъ жаловаться на несправедливость, если бы имъ пришлось уступить въ этой борьбѣ и затѣмъ подвергнуться вслѣдствіе того самымъ жестокимъ наказаніямъ.

Здѣсь можно привести много доводовъ за и противъ, если захотѣть рѣшить этотъ вопросъ догматической дедукціей основъ права, однако, трансцендентальный принципъ публичности — принстиципъ публичнаго права — можетъ обойтись безъ этого многословія. Согласно ему передъ заключеніемъ гражданскаго договора самъ народъ ставитъ себѣ вопросъ, осмѣлится ли онъ публично заявить о максимѣ намѣренія произвести въ удобномъ случаѣ возстаніе. Легко можно видѣть, что если бы при установленіи государственнаго устройства хотѣли поставить условіемъ пользованіе силой въ извѣстныхъ встрѣчающихся случаяхъ противъ верховнаго главы, то народъ долженъ былъ бы претендовать на правомѣрную власть надъ нимъ. Но тогда онъ не былъ бы верховнымъ главой или, если то и другое было бы сдѣлано условіемъ учрежденія государства, то оно стало бы невозможнымъ; но это, однако, было цѣлью народа. Противность возстанія праву обнаруживается, слѣдовательно, благодаря тому, что его максима съ публичнымъ признаніемъ въ ней сдѣлала бы невозможной его собственную цѣль. Итакъ, по необходимости слѣдовало бы скрывать ее. Но именно послѣднее не было бы необходимостью для верховнаго главы государства. Онъ можетъ сво-

бодно объявить, что каждое возстаніе будетъ подавлять смертью зачинщиковъ, какъ бы они ни были убѣждены, что онъ съ своей стороны первый преступилъ основной законъ. Вѣдь если верховный глава сознаетъ себя обладающимъ непреодолимой верховной властью (это должно быть такъ принято въ каждомъ гражданскомъ устройствѣ, потому что тотъ, кто не имѣетъ достаточно власти, чтобы защитить въ народѣ каждаго изъ подданныхъ отъ другого, не имѣетъ также права ему повелѣвать), то ему нечего опасаться обнародованіемъ своей максимы повредить своей собственной цѣли. Точно также (что вполнѣ согласно съ предыдущимъ) если бы народу удалось возстаніе, то верховному главѣ слѣдуетъ примириться съ положеніемъ подданаго и не поднимать возстанія съ цѣлью обратнаго пріобрѣтенія власти, но и не слѣдуетъ бояться, что съ него потребуютъ отчета въ его прежнемъ управленіи государствомъ.

2) *Международное право.* О международномъ правѣ рѣчь можетъ идти только подъ предположеніемъ какого-нибудь правового состоянія (т.-е. такого внѣшняго условія, при которомъ право дѣйствительно можетъ стать удѣломъ человѣка), потому что оно, какъ публичное право, заключаетъ уже въ своемъ понятіи объявленіе общей воли, опредѣляющей каждому свое. Этотъ status juridicus долженъ проистекать изъ какого-нибудь договора, которому, однако, не нужно (подобно тому, изъ котораго проистекаетъ государство) основываться на принудительныхъ законахъ, но который во всякомъ случаѣ можетъ быть договоромъ продолжительной свободной ассоціаціи, какъ вышеупомянутый договоръ феде-

раціи различныхъ государствъ. Вѣдь безъ какого-нибудь правового состоянія, активно связывающаго различныхъ (физическихъ или моральныхъ) лицъ, тѣмъ самымъ въ естественномъ состояніи, не можетъ существовать другого права, кромѣ частнаго. Здѣсь также проявляется споръ политики съ моралью (разсматривая послѣднюю какъ ученіе о правѣ), гдѣ тотъ критерій публичности максимъ точно также находитъ свое легкое примѣненіе; только въ томъ, однако, случаѣ, если договоръ связываетъ государство лишь для того, чтобы поддерживать миръ между собою и совмѣстно по отношенію къ другимъ государствамъ, но никоимъ образомъ не для того, чтобы дѣлать пріобрѣтенія. Далѣе слѣдуютъ случаи проявляющейся антиноміи политики съ моралью, къ которымъ присоединены ихъ рѣшенія.

а) «Если одно изъ этихъ государствъ обѣщало что-нибудь другому—оказаніе помощи или уступку нѣкоторыхъ земель, или субсидію и тому подобное— то возникаетъ вопросъ, можетъ ли оно въ случаѣ, отъ котораго зависитъ благополучіе государства, уклониться отъ исполненія слова тѣмъ, что захочетъ, чтобы его разсматривали двойной личностью, во-первыхъ, какъ суверена, такъ какъ онъ ни передъ кѣмъ не отвѣтственъ въ своемъ государствѣ, а затѣмъ опять только какъ высшее въ государствѣ должностное лицо, которому слѣдуетъ отдавать отчетъ государству»; слѣдствіе изъ этого заключается въ томъ, что государство въ качествѣ второго будетъ признано свободнымъ отъ того, къ чему оно обязалось въ качествѣ перваго. Но если бы государство (или его верховный глава) огласило свою максиму, то, естественно, каждое

другое государство стало бы или избѣгать его, или соединяться съ другими сосѣдними государствами, чтобы дать отпоръ его притязаніямъ. Это доказываетъ, что въ этомъ случаѣ, т.-е. при гласности, политика со всей своей хитростью (гласностью) сама необходимо будетъ вредить своей цѣли тѣмъ самымъ, что та максима—несправедлива.

b) «Если сосѣдняя держава, разросшаяся до ужасающей величины (potentia tremenda), возбуждаетъ опасеніе, то можно ли предположить, что она захочетъ порабощать, такъ какъ имѣетъ возможность сдѣлать это, и даетъ ли это менѣе могущественнымъ державамъ право на (совмѣстное) нападеніе на нее, даже безъ предшествовавшаго оскорбленія съ ея стороны?» Государство, которое захотѣло бы въ данномъ случаѣ огласить свою максиму, утверждающую это, только ускорило бы зло и сдѣлало бы его болѣе вѣроятнымъ. Вѣдь болѣе сильная держава предупредила бы болѣе слабыхъ, а что касается союза послѣднихъ, то это только слабый тростникъ противъ того, кто умѣетъ пользоваться «divide et impera». Эта максима государственнаго благоразумія, объявленная публично, необходимо вредитъ, такимъ образомъ, ея собственной цѣли и, слѣдовательно, несправедлива.

c) «Если слабое государство своимъ положеніемъ нарушаетъ связь частей болѣе сильнаго, которое, однако, нуждается въ ней для своего сохраненія, то не въ правѣ ли послѣднее подчинить себѣ первое и присоединить къ себѣ?» Легко можно видѣть, что болѣе сильному государству не слѣдуетъ оглашать напередъ такой максимы, такъ какъ или болѣе слабыя государства заблаговременно заклю-

чили бы союзъ, или другія могущественныя государства стали бы спорить изъ-за этой добычи; такимъ образомъ, благодаря своему оглашенію, эта максима сама дѣлаетъ себя невозможной — признакъ, что она несправедлива и, можетъ быть, даже въ очень высокой степени, такъ какъ незначительность объекта несправедливости не препятствуетъ тому, чтобы оказываемая ему несправедливость была чрезвычайно велика.

3) *Что касается космополитическаго права*, то я обхожу его здѣсь молчаніемъ, потому что, вслѣдствіе аналогіи его съ международнымъ правомъ, легко можно указать и оцѣнить относящіяся къ нему максимы.

* * *

Въ принципѣ несовмѣстимости максимъ международнаго права съ публичностью мы имѣемъ, конечно, хорошій критерій несогласія политики съ моралью (какъ ученіемъ о правѣ). Теперь же намъ нужно выяснить, каково то условіе, при которомъ согласуются ея максимы съ правомъ народовъ? Вѣдь нельзя дѣлать обратнаго заключенія, что тѣ максимы, которыя совмѣстимы съ публичностью, тѣмъ самымъ справедливы, потому что тотъ, кто обладаетъ твердой верховной властью, не имѣетъ нужды скрывать свои максимы. Условіемъ возможности международнаго права вообще является прежде всего существованіе правового состоянія. Вѣдь безъ него нѣтъ публичнаго права, но все право, которое можно мыслить внѣ его (въ естественномъ состояніи), есть только частное право. Но выше мы видѣли, что только федеративное состояніе госу-

дарствъ, имѣющее цѣлью устраненіе войны, есть единственное, соединимое съ ихъ свободой, правовое состояніе. Итакъ, согласіе политики съ моралью возможно только въ федеративномъ союзѣ (который, слѣдовательно, данъ a priori по принципамъ права и необходимъ) и все государственное благоразуміе имѣетъ правовымъ базисомъ установленіе такого союза въ возможно большемъ размѣрѣ. Безъ этой цѣли все его мудрствованіе является безразсудствомъ и замаскированной несправедливостью. У этой лжеполитики есть своя казуистика, не уступающая лучшей іезуитской школѣ: reservatio mentalis, т.-е. обставленіе публичныхъ договоровъ такими выраженіями, которыя при случаѣ можно истолковать въ свою пользу (напримѣръ, различіе status quo de fait и de droit); probabilismus, т.-е. безъ основанія приписывать другимъ злыя намѣренія или же вѣроятность ихъ перевѣса дѣлать правовымъ основаніемъ уничтоженія самостоятельности другихъ мирныхъ государствъ; наконецъ, peccatum philosophicum (peccatillum, bagattelle), т.-е. поглощеніе слабаго государства, если къ мнимо большему благу міра много большее выигрываетъ благодаря этому, считать за легко-извинительные пустяки [1]).

Этому помогаетъ двуличность политики по отношенію къ морали; то тѣмъ, то другимъ ученіемъ ея политика пользуется для своей цѣли. И любовь къ человѣку, и уваженіе къ праву людей есть долгъ; первое, однако, только обусловленный, напротивъ, второе безусловный, коротко и безъ всякихъ оговорокъ повелѣвающій долгъ; и кто захочетъ отдаться пріятному чувству благодѣянія, тому слѣдуетъ сперва быть увѣреннымъ въ томъ, что онъ не престу-

пилъ его. Съ моралью въ первомъ смыслѣ (этикой) политика легко соглашается для того, чтобы предать право людей ихъ правителямъ, но съ моралью во второмъ значеніи (какъ ученіемъ о правѣ), передъ которой ей слѣдовало бы склонить колѣни, она находитъ благоразумнымъ не входить въ соглашеніе, предпочитая оспаривать у ней всю реальность и все должное свести на простое благожелательство. Такое коварство боящейся свѣта политики легко парализовалось бы философіей, которая сдѣлала публичными ея максимы, если только политика захотѣла бы рѣшиться на то, чтобы даровать философу публичность его максимъ [1].

Съ этой цѣлью я предлагаю другой трансцендентальный и положительный принципъ публичнаго права, формула котораго должна быть такой:

«*Всѣ максимы, которыя нуждаются въ публичности (чтобы достигнуть своей цѣли) согласуются и съ правомъ, и съ политикой*».

Вѣдь если эти максимы могутъ достигнуть своей цѣли только благодаря публичности, то онѣ должны быть сообразными общей цѣли общества (счастья), согласоваться съ которой (дѣлать общество довольнымъ своимъ состояніемъ) есть истинная задача политики. Но если эта цѣль должна быть достиг-

[1]) Соображенія въ пользу этихъ максимъ можно найти въ сочиненіи Herrn. Hofr. Garve, *Über die Verbindung der Moral mit der Politik*, 1788. Этотъ почтенный ученый уже въ самомъ началѣ признается, что не въ состояніи дать удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Но одобрять эти максимы, хотя бы даже съ признаніемъ, что не въ состояніи устранить всѣхъ подымающихся противъ нихъ возраженій, есть, повидимому, снисходительность, даже большая, чѣмъ было бы благоразумно допустить по отношенію къ тѣмъ, кто очень склоненъ злоупотреблять ими.

нута только благодаря публичности, т.-е. благодаря устраненію всякаго недовѣрія противъ максимъ политики, то и онѣ должны быть въ согласіи съ правомъ общества, такъ какъ только въ немъ возможно соединеніе цѣлей всѣхъ. Дальнѣйшее изложеніе и разъясненіе этого принципа я долженъ отложить до другого случая. Но можно усмотрѣть изъ устраненія всѣхъ эмпирическихъ условій (ученія о счастьи), какъ матеріи закона, и изъ простого вниманія къ формѣ общей закономѣрности, что это положеніе есть трансцендентальная формула.

* * *

Если осуществить состояніе публичнаго права, хотя бы только въ безконечность идущемъ приближеніи, есть долгъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обоснованная надежда, то вѣчный миръ, который послѣдуетъ за мирными договорами (до сихъ поръ это названіе примѣнялось невѣрно: собственно говоря, были только перемирія), не безсодержательная идея, но задача, которая, будучи постепенно разрѣшаема, все ближе и ближе (такъ какъ промежутокъ времени, требующійся для равныхъ успѣховъ, становится постоянно короче) подходитъ къ своей цѣли.

КОМИССІЯ ПО ОРГАНИЗАЦІИ ДОМАШНЯГО ЧТЕНІЯ,

СОСТОЯЩАЯ ПРИ УЧЕБНОМЪ ОТДѢЛѢ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ТЕХНИЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ.

Москва, Большая Никитская, д. Рихтеръ, кв. № 6.

Правила для сношеній читателей съ Комиссіей при занятіяхъ по программамъ систематическаго курса.

I. Для отдѣльныхъ лицъ.

1) Читатели могутъ пользоваться руководствомъ при занятіяхъ систематическими программами Комиссіи, обращаясь къ Комиссіи за разъясненіемъ встрѣтившихся при чтеніи недоразумѣній и вопросовъ; на отвѣтъ должна быть *прилагаема почтовая марка.*

2) Желающіе пользоваться указаніями Комиссіи въ означенныхъ предѣлахъ уплачиваютъ по 2 рубля за годичный курсъ по каждому изъ слѣдующихъ семи отдѣловъ: науки математическія, физико-химическія, біологическія, философскія, общественно-юридическія, исторія и исторія литературы. Читатели, выбирающіе какую-либо часть одного изъ перечисленныхъ семи отдѣловъ (напримѣръ, астрономію, общую физіологію, русскую исторію, гражданское право и т. п.), платятъ за руководство по 1 р.

Нормой времени для прохожденія отдѣла принято 4 годичныхъ курса, причемъ теченіе каждаго годичнаго срока считается съ мѣсяца записи въ число читателей. Читателю, не успѣвшему къ сроку закончить прохожденіе назначенной на 1 годъ части курса и сообщившему въ концѣ годового срока Комиссіи о ходѣ своихъ занятій, срокъ можетъ быть продолженъ безъ новаго взноса.

Примѣчаніе. Лица, не могущія уплачивать означенныхъ взносовъ по недостатку средствъ, могутъ быть освобождаемы отъ платы за пользованіе руководствомъ Комиссіи, по представленіи объясненій о своемъ имущественномъ положеніи.

3) Для большей успѣшности руководства занимающіеся приглашаются сообщать, кромѣ своего имени и адреса [1], съ обозначеніемъ отдѣла или отдѣловъ, по которымъ они хотятъ заниматься: a) возрастъ, b) какое и гдѣ получили образованіе, c) званіе или сословное положеніе, d) главное занятіе, e) знаютъ ли иностранные языки и какіе и проч.

4) Комиссія предлагаетъ лицамъ, занимающимся подъ ея руководствомъ, слѣдующія льготныя условія по пріобрѣтенію книгъ черезъ ея посредство:

a) Комиссія принимаетъ на себя порученія по покупкѣ всѣхъ книгъ, указанныхъ въ Программахъ (какъ необходимыхъ, такъ и рекомендуемыхъ и справочныхъ) и находящихся въ продажѣ, съ уплатой *въ разсрочку.* При покупкѣ книгъ, отмѣченныхъ въ Программахъ звѣздочкой, нужно высылать при заказѣ не менѣе 30% ихъ стоимости, а при покупкѣ прочихъ — не менѣе 80%. При этомъ читатели пользуются уступкой съ номинальной стоимости книгъ въ такомъ размѣрѣ, какой условленъ Комиссіей съ различными книгопродавцами (московскіе читатели — не болѣе 10%).

b) Книги, отмѣченныя въ Программахъ звѣздочкой, читатели могутъ возвращать по миновании надобности, *получая обратно* стоимость книгъ, за вычетомъ по 5% съ ихъ *номинальной цѣны* за каждый мѣсяцъ, въ теченіе котораго книга находилась у читателя; такимъ образомъ, книга, стоящая 1 рубль, по истеченіи мѣсяца со дня полученія ея читателемъ, принимается обратно за 95 коп., по истеченіи 2 мѣс. — за 90 коп. и т. д. По истеченіи 20 мѣсяцовъ книга обратно не принимается.

c) По желанію, книги могутъ быть высылаемы въ переплетахъ; стоимость переплетовъ — 20 или 25 коп. При выпискѣ книгъ необходимо отмѣчать, какія должны быть въ переплетахъ. *Съ прав[омъ] обратнаго возвращенія высылаются только переплетенныя книги.*

Примѣчаніе. Теченіе сроковъ начинается съ 1 и 15 чиселъ, слѣдующихъ за высылкой книгъ читателямъ. *Всѣ почтовые расходы по пересылкѣ книгъ должны быть оплачиваемы читателями.* Книги должны быть возвращаемы назадъ въ полной исправности и безъ помарокъ, съ указаніемъ фамиліи и адреса лица, которое возвращаетъ книги.

---

[1]) Въ случаѣ *перемѣны мѣста жительства* нужно немедленно сообщать Комиссіи новый адресъ.

5) Въ промежутокъ отъ 15 мая до 15 сентября прекращаются письменныя сношенія Комиссіи съ читателями, касающіяся руководства занятіями, всякаго рода разъясненіи и т. п. Прочія же сношенія (запись въ число читателей, высылка книгъ, полученіе ихъ отъ читателей обратно и т. п.) продолжаются *круглый годъ*.

6) Черезъ посредство Комиссіи читатели могутъ пріобрѣтать лишь книги, указанныя въ Программахъ того курса (а московскіе читатели — того курса и отдѣла), на руководство по которому они записались.

II. Для группъ.

Независимо отъ изложеннаго порядка содѣйствія со стороны Комиссіи по пріобрѣтенію книгъ читателями, Комиссія находитъ возможнымъ, для удобства и въ интересахъ занимающихся подъ ея руководствомъ лицъ, составлять и высылать имъ тотъ или другой подборъ указанныхъ въ ея „Программахъ" книгъ на слѣдующихъ установленныхъ условіяхъ:

1) Книги выбираются или по усмотрѣнію Комиссіи или по желанію занимающихся подъ ея руководствомъ читателей. Въ послѣднемъ случаѣ Комиссія оставляетъ за собой право ограниченія такого выбора.

2) Книги отпускаются и обратно принимаются Комиссіей не иначе, какъ безъ помарокъ и переплетенными.

3) Книги высылаются по требованію не отдѣльнаго лица, а лишь группы лицъ, занимающихся (хотя бы и по различнымъ отдѣламъ) подъ руководствомъ Комиссіи, которая всѣ сношенія съ означенной группой ведетъ черезъ одно лицо, входящее въ составъ группы и несущее всю отвѣтственность за группу въ ея обязательствахъ передъ Комиссіей.

4) Всѣ расходы по пересылкѣ книгъ означенная группа принимаетъ на себя

5) Высылаемыя Комиссіей книги считаются купленными поименно извѣстными ей читателями, составляющими группу; при покупкѣ читатели уплачиваютъ 20% номинальной стоимости книгъ въ видѣ задатка.

6) Книги могутъ быть возвращены Комиссіи, которая обязывается въ этомъ случаѣ возвратить задатокъ, удержавъ изъ него лишь то, что причтется за книги испорченныя или невозвращенныя и, сверхъ того, за каждый мѣсяцъ пользованія 2% съ общей номинальной стоимости забранныхъ книгъ въ погашеніе расходовъ Комиссіи. Сумму, превышающую размѣръ задатка, лица, пользовавшіяся книгами, обязаны уплатить Комиссіи.

7) Удерживать книги разрѣшается не долѣе 6 мѣсяцевъ со дня ихъ полученія, причемъ, однако, лица, желающія пользоваться ими болѣе продолжительное время, могутъ ходатайствовать объ этомъ передъ Комиссіей. Въ противномъ случаѣ книги считаются окончательно купленными, и лица, удержавшія ихъ для себя, должны немедленно же, по истеченіи означенныхъ 6 мѣсяцевъ пользованія ими, произвести окончательный разсчетъ съ Комиссіей, причемъ Комиссія дѣлаетъ съ номинальной стоимости книгъ ту скидку, какая условлена съ книжными магазинами, доставляющими книги.

Издавъ четыре выпуска программъ для четырехгодичнаго систематическаго курса наукъ, Комиссія намѣрена выпускать серіи эпизодическихъ программъ по отдѣльнымъ вопросамъ различныхъ наукъ съ цѣлью руководства занятіями по этимъ программамъ. Желающіе пользоваться руководствомъ по какой-либо эпизодической программѣ увѣдомляютъ о томъ Комиссію по означенному выше адресу, сообщая: 1) свою фамилію, имя и отчество, 2) точный адресъ, 3) возрастъ, 4) родъ занятій, 5) мѣсто окончанія или прохожденія учебнаго курса или степень домашней подготовки. По полученіи отъ Комиссіи извѣщенія, что руководство для нихъ открыто, они вносятъ плату за руководство въ размѣрѣ, указанномъ особо для каждой программы (отъ 1 р. до 5 р.), и затѣмъ благоволятъ присылать въ Комиссію письменныя работы на предложенныя въ программѣ темы для отзыва, въ указанномъ въ программѣ порядкѣ, а равно и отдѣльные запросы въ связи съ занятіями по этимъ темамъ. По полученіи первой работы Комиссія оставляетъ за собой право измѣнить планъ и порядокъ занятій, намѣченныи въ программѣ, примѣнительно къ обнаруженной въ работѣ степени подготовленности. При несогласіи подписчика на это измѣненіе внесенная имъ плата подлежитъ возвращенію. При каждомъ запросѣ и работѣ прилагается на отвѣтъ 7-коп. марка. Дальнѣйшія подробности о ходѣ руководства означены особо для каждой программы въ концѣ листка.

Желающіе подписчики могутъ получать чрезъ посредство Комиссіи указанныя въ программахъ книги по номинальной ихъ стоимости, оплачивая почтовые расходы по ихъ пересылкѣ. Книги могутъ быть возвращены въ Комиссію, причемъ за мѣсячное пользованіе удерживается 5% съ номинальной стоимости книги.